

Это Несерьёзно

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ВЕЧНАЯ

18+

Ольга Вечная

Это несерьёзно

<https://litres.ru/74548707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Демьян Баженов был в моей жизни всегда.

Близкое общение наших родителей сделало нас тоже друзьями. Действительно классными друзьями. Ничего больше, ведь для такой как я он был слишком ярким и успешным.

Прошло много лет, и мы встретились при пикантных обстоятельствах.

Он предложил несерьезные отношения, а я влюбилась по уши.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	85
Глава 11	92
Глава 12	100
Глава 13	108
Глава 14	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Ольга Вечная

Это несерьёзно

Всё вымышлено. Любые совпадения случайны

Глава 1

— Да ладно! — не удерживаюсь от возгласа. Над головой больше не резной потолок, а будто небо, с которого дождем сыпется радость. Теплом окутывает. — Глазам не верю, это же Демьян!

Марк прослеживает мой взгляд и чуть приподнимает брови, ожидая разъяснений. Цокаю языком. Мужа люблю, но в последнее время его ревность достигла запредельного уровня.

Мне двадцать шесть, пять лет назад я вышла замуж за мужчину значительно старше, который ухаживал сумасшедше. Я была самой счастливой на свете. Сейчас у нас сложная ситуация, но мы справляемся.

— Баженов. Мы вместе выросли, — быстро поясняю, дабы погасить напряжение. Сама руку вытягиваю. — Не виделись лет... Боже, лет двести! Да ладно тебе, это же Дем, мой братан, я рассказывала! Давай познакомлю.

Муж чуть сжимает мой локоть, но мне уже все равно — здесь он меня не заткнет. Улыбаюсь и машу активнее. Демьян замечает почти сразу, останавливает взгляд и чуть прищуривается.

Я наслаждаюсь секундами его растерянности. Не узнаёт, не узнаёт... Суровый такой, в костюме, соответствующем обстановке: мы на международном экономическом форуме.

Баженов всегда умел себя подать — это что-то врожденное, приправленное строгим воспитанием.

Лицо Демьяна светлеет, а его губы растягивает та самая фирменная улыбка, которая только «для своих». Он наклоняется и что-то быстро говорит своей спутнице, после чего ведет ее к нам.

Почему-то начинаю нервничать. Наши родители дружили, поэтому дружили и мы, выхода другого не было. Когда были подростками, на общих праздниках взрослые шутливо стращали Дема, чтобы тот не вздумал ненароком лишить меня невинности. Я краснела до кончиков ушей, он огрызался. Между нами действительно никогда ничего не было, я была будто его младшей сестренкой, неказистой и застенчивой. Он — моим другом, который поступал исключительно благородно.

Благородно и правильно. Оттого ощущаю небольшой дискомфорт, когда Демьян, приблизившись, окидывает меня быстрым, но уж слишком внимательным взглядом. Каким-то словно на грани, еще немного, и будет недопустимо. Марк тоже это замечает, собственнически обнимает за талию и якобы незаметно, но в действительности ужасно стыдно одергивает платье, а я... почему-то поспешно опускаю глаза, хотя не планировала испытывать неловкость.

Не хочу обострять, не сейчас, не при Баженове точно! Но дома мы непременно поговорим об этом.

— Добрый день! — произносит Демьян, и я улыбаюсь еще

шире от одного звука его голоса. — Прошу прощения, но дело крайней важности. Вы не подскажете, где здесь можно курить? Меня сейчас разорвет.

Лишаюсь дара речи на целое мгновение, атмосфера тут же выравнивается. Даже Марк, не ожидавший услышать первым делом мольбу о помощи, беззлобно хмыкает.

— Боюсь, что только на парковке, — сочувствует он.

— Демьян, как я рада тебя видеть! — пишу я.

— Взаимно, Крис. Братан, да ты просто красавица!

Мы обнимаемся, касаемся щеками, я вдыхаю аромат его туалетной воды и перехожу к знакомствам:

— Благодарю! Марк, знакомься, это Демьян Баженов, эм... сын Баженовых, ты понимаешь, о ком речь. Демьян, это мой муж Марк Росс. Он здесь всех знает. Если нужна будет помощь или совет... обращайся.

Мужчины пожимают руки.

— Не всех, Кристина преувеличивает, — польщенно отзывается Марк. — Но при возможности готов посодействовать.

— Спасибо, я ценю, — произносит Демьян исключительно вежливо. — Рад знакомству. А это моя Яна. — Он бросает полный восхищения взгляд на спутницу, та мило улыбается и стреляет глазами.

Девушка и правда словно сошла с картинки. Нельзя быть настолько естественно привлекательной, ее точно красками написали. Да и вообще между этими двумя чувствуется на-

пряжение — приятно посмотреть. Вот-вот искры полетят.

— Я нашел ее в Анапе, привез в культурную столицу, а она каждый день просится обратно.

— В вашей столице ужасно холодно, я мерзну и зимой, и летом, — отшучивается Яна и кладет ладонь на грудь Демьяну, заглядывает в глаза.

Баженов делает жест рукой, дескать, видите? Сам же быстро, едва заметно подмигивает девушке, выражая что-то, лишь ей одной понятное.

Марк включается в разговор, и некоторое время мы поддерживаем легкую беседу о происходящем, во время которой я стараюсь удовлетворить любопытство и рассмотреть друга детства как следует.

Он и изменился, и в то же время — не очень. Стал больше походить на отца, наверное. Высокий рост, темные волосы, светло-зеленые, холодные, как говорит моя мама, вечно равнодушные глаза, в которых, знаю точно, могут отражаться эмоции. Сильные. Раньше, по крайней мере, отражались, пару раз я ловила. Но первое, на что обращаешь внимание, — это осанка. Идеальная, свойственная скорее спортсменам, чем айтишникам.

— Я на минуту, — произносит Яна. — Извините, пожалуйста.

— Малыш, по пути если встретишь кого-то из персонала, уточни, где можно курить. Помимо парковки.

— Конечно, любимый.

Когда Яна идет в дамскую комнату, Марк будто на нее засматривается. Я прослеживаю взгляд и начинаю внутренне раздражаться. Муж так мстит за то, что мы поругались, но это настолько мелочно, что в голове не укладывается. Он знает, как много для меня значит, и продолжает ранить будто специально.

Щеки вспыхивают, благо на мне достаточно косметики, чтобы скрыть волнение. Меньше всего на свете хотелось бы демонстрировать, что мы с мужем в контрах, но, к счастью, Демьян вроде ничего такого не замечает. Рассказывает о своей фирме, занимающейся информационной безопасностью, а я просто за него рада. Действительно рада. Помню момент, когда он бросил универ, тогда казалось, что его жизнь не сложится, все только об этом и говорили.

Марк заинтересовывается, задает ряд вопросов, задумчиво тянет:

— Кибербезопасность, значит.

— Все ваши пароли у меня, — серьезно произносит Демьян и хлопает себя по карману, после чего чуть равнодушно улыбается и успокаивает: — Шучу. Сейчас мы работаем с парой банков и такой компанией, как «СоларЭнерджи». Может быть, слышали? А также следим за безопасностью данного мероприятия.

— Слышал, конечно, буду знать. У вас относительно молодая компания, я так понимаю, потребность в ее появлении возникла в ковид?

— Пандемия значительно повлияла на весь бизнес, — отвечает Демьян уклончиво. — Никто не остался прежним.

Едва наши взгляды пересекаются, мне снова на миг становится тепло.

— Кому-то она в минус, кому-то в плюс. Лучше, несомненно, когда в плюс, — философски замечает Марк.

— Кто ж спорит.

Перекинувшись еще парой фраз, Демьян начинает прощаться. Напоследок мы вновь смотрим друг на друга. Мои губы трогает улыбка, у него в глазах тоже мелькает что-то такое, особенное, что ли. Родное, из прошлого?

Всегда приятно увидеть друга детства, у которого все сложилось хорошо. И себя показать, разумеется. Ту, какой я стала. Пусть о моих заслугах не станут слушать на этом форуме, но недавно я подписала важный договор и теперь иллюстрирую серию детских книг, выходящих в крупном международном издательстве. Я долго к этому шла, и не покидает ощущение, что моя жизнь изменится.

Хочется поделиться радостью, похвастаться, если сказать проще. Я не вижу в этом ничего зазорного, жаль, времени в обрез. Мужчины здесь в первую очередь по работе.

— Вы в Москве живете? — спрашивает Баженов, вместо того чтобы уйти.

— Сейчас да, — отвечаю я.

Простая фраза, прячущая за собой кучу ссор и обид, мое решение, которое муж так и не принял. Я переехала в Моск-

ву недавно, до этого мы с Марком жили за городом. Вернее, жила я одна, а он мотался по работе.

— Пару раз в месяц я бываю в столице, увидимся как-нибудь. Поболтаем. — Дем мажет по мне взглядом.

— Конечно, буду рада, — отдаю дань вежливости, отчего-то зная заранее, что вряд ли это случится.

Мужчины вновьжимают руки, и Демьян отправляется навстречу потерявшейся Яне.

Увидев его, она улыбается, меняет курс. Подбегает, опирается на плечо и начинает что-то рассказывать. Он на нее смотрит все с тем же восхищением, и мое сердце сжимается. Не потому, что я хочу оказаться на ее месте, мне мое нравится. Скорее, хотелось бы увидеть в глазах Марка такую же страсть, как раньше. Наша история была настолько славной, что я ни с кем не могу поделиться проблемами. Даже к психологу пойти не могу: мой муж слишком известен. Приходится спасать отношения своими силами.

— Подойдем к Бурановым?

Демонстративно громко выдыхаю. Марк знает, как сложно мне общаться с этими людьми, жена Буранова не скрывает пренебрежения. Но слушаюсь, это важно для него, а значит, так правильно.

— Ты умница у меня. Спасибо, — шепчет муж, подносит мою руку к губам и целует тыльную сторону ладони.

Бросает взгляд вдаль, я прослеживаю и замечаю, что Баженов смотрит в нашу сторону. Вежливо улыбаюсь и отво-

рачиваюсь.

— Будь с ним осторожнее, — вполголоса произносит Марк.

— В смысле? — ошетиниваюсь.

Он опять за свое? Я ведь объяснила: Демьян — друг, братан, бро.

— Он отвечает за безопасность. Знаешь, какой лучший способ продать безопасность?

Мои глаза чуть расширяются.

— Создать угрозу? Ты об этом?

— Не доверяю я людям его специальности. Договоры с такими конторами нужно перечитывать под микроскопом, они спецом пишутся исключительно непонятным языком.

— То ли дело газовики, да? Честнейшие люди! — усмехаюсь я, впрочем немного растерявшись.

— Именно, — кивает муж. — Ты все верно понимаешь. Я против вашего общения.

Глава 2

Папа всегда говорил и продолжает говорить, что я умненькая девочка. Дочка самого Осина и не может быть глупой, это совершенно исключено, тем более долгое время я была единственной наследницей. Сыновья у папы родились, но уже в новой семье, и им только по пять лет.

Развод родителей не стал для меня потрясением, я в курсе, что жизнь — штука сложная, к тому же еще и длинная, и верить, что проживешь ее с одним партнером — верх наивности. Наверное.

Тем не менее я выходила замуж раз и навсегда, без каких-то особых договоренностей и скидок, в том числе на возраст. Мой муж — влиятельный человек, и я ясно осознавала, что за этим стоит.

Неважно, что мы разругались в пух и прах, на людях нужно отыграть партию спокойных и уверенных в себе людей. Пусть внутри я киплю от обиды, чужим о Марке не позволю и слово грубое выдать.

Впрочем, я никогда не была легкомысленной и всегда доводила задуманное до конца. Например, я закончила мехмат, подарила диплом отцу и занялась тем, что мне действительно интересно. Марк сыграл в этом решающую роль. Он появился внезапно и спрятал меня от всего мира, в том числе от амбициозного родителя. Позволил делать все, что душе

удочно. Я выучилась и преуспела в профессии, и все это — благодаря ему, моему мужчине.

Когда вспоминаю об этом, то готова лопнуть от благодарности. Сама нахожу руку Марка, сжимаю, он не реагирует. Либо продолжает мстить, либо слишком занят. У него один из тех самых разговоров, половина слов в которых вслух не произносится, сплошные многозначительные взгляды.

— Кристина, где вы остановились? — поддерживает беседу Светлана Буранова. — В «Лайме»?

Я отлично знаю, что «Лайм» — ее любимый отель в Адлере, поэтому, разумеется, мы выбрали другой. Как-то раз я уже попала на эту удочку и чуть, простите, кони не двинула от стресса: Светлана контролировала каждый мой вздох, раскритиковала купальник, платье, обувь и даже мои уши.

Называю. Она хмурится, припоминая.

— Василиса, кажется, любила этот отель, если мне не изменяет память.

Василиса — бывшая жена Марка. Они развелись за три года до моего совершеннолетия. В то время я еще в школе училась и в «Симс» с подружками играла, но институтские друзья Марка обожают невзначай упомянуть Василису в разговоре, причем так, будто это я разбила крепкую семью. Словно принять не могут, что каждый имеет право на второй шанс.

— В этом году его полностью переделали, — отвечаю я. — Обновили спа-зону, мебель, холл. Сейчас там есть на что

посмотреть.

— Надо будет утром заглянуть к вам тогда.

— Обязательно. Приезжайте на завтрак, я забронирую столик побольше на террасе.

Мы улыбаемся друг дружке и смотрим на мужчин, увлеченных жарким спором. К ним присоединяются другие.

Я окидываю взглядом зал — Демьяна не видно. Удивительное дело — встретиться вот так, на юге. Интересно, если бы мы правда пошли пообедать, нашлась бы тема для разговора? Не хотелось бы неловко молчать, подгоняя время. Не после той дружбы, что у нас была.

Как-то раз, когда мне было четырнадцать, Баженов научил меня такой фишке, как «противозачаточное лицо». Я пожаловалась, что теряюсь от навязчивого мужского внимания и не понимаю, как себя вести. Моя фигура начала формироваться, и оно буквально обрушилось как снег на голову! Улыбку многие воспринимали как флирт, а я по-другому не умела общаться.

Пустой прозрачный взгляд Демьяна повторить так и не получилось, это высший пилотаж, но зато я выучила то самое выражение, которое подруги называют «взгляд стервы». На него, кстати, и купился Марк. Его такое заводит.

Отпускаю руку Марка и проверяю время. Впереди шесть долгих часов, во время которых я буду украшением своего мужа. И нет, я не жалею, это моя жизнь, я ее себе выбрала и замечательно ее живу. Однако это причина, почему мне так

важно отстаивать независимость и быть кем-то еще, помимо спутницы Марка Росса. Я сбежала замуж от любящего, но авторитарного отца не для того, чтобы сидеть за городом в золотой клетке. Такая же в точности была у меня с рождения.

Пульс ускоряется. Будто возвращаюсь в утро, в эпицентр ссоры, когда плакала и кричала. В лицо мужу, потом вслед, потом в пустую дверь! Кричала, что перестала чувствовать его любовь, что мы больше не команда, что я одинока, как до встречи с ним!

— А вот и я! Скучали-ждали?

Быстро оборачиваюсь и восклицаю:

— Малика, чудесно выглядишь!

Расцеловываюсь в щеки с женой еще одного друга моего мужа.

— Кристина! — отвечает она. — Ты еще не умерла от скуки? Я начала дремать в машине, Айдар сказал, что даже всхрапнула.

У нее новые губы, и я едва удерживаюсь от комплимента. Шепну ей потом на ушко. Очень красиво сделаны.

Где-то позади нас раздается взрыв смеха, мы оборачиваемся и отмечаем молодую компанию. Светлана цокает языком, на что Малика демонстративно усмехается:

— Боже, кому продать душу, чтобы уехать с ними? А не вот это вот все! — Она закатывает глаза.

— Потерпи, котик, — воркует тот.

— Потерплю уж, — вздыхает она, быстро мне подмигнув.

Малика замечательная, она ровесница Светланы и считает своим долгом безбожно троллить приятельниц. Я себе такое позволить не могу из-за воспитания, да и Марк бы подобное не оценил. Мы с ним из немного другого теста.

Первый день форума финиширует, торжественная часть подходит к концу, и мужчины договариваются продолжить общение в неформальной обстановке. Это обычная практика, и, когда Марк подходит с вопросом, я совершенно ничего не имею против.

— Езжай, всё в порядке. Но при одном условии.

Он чуть наклоняется, и я мягко обнимаю его за шею. Руки немного дрожат от волнения, я касаюсь будто чужого человека.

— Не задерживайся, ты ведь знаешь, что я не могу уснуть, если мы в ссоре. — Мой голос звучит примирительно.

Наши глаза встречаются, и я вижу в его, впервые за неделю, нежность. Появляется надежда, что мы придем к компромиссу и уснем в обнимку.

Светлана настойчиво приглашает всех поехать к ней в «Лайм» и посидеть девочками. Я поначалу отказываюсь, но Малика уговаривает, и мы едем. Тут-то время замедляется окончательно.

Это не моя компания, не мои разговоры, не мои темы. Удивительное дело, я никогда не ощущала так явно нашу с Марком разницу в возрасте, как на вечеринках с женами его друзей. Впрочем, я убеждена, что дело в самих людях, пото-

му что пятнадцать лет — это не так-то много на самом деле. Светлана задает тон, и она обожает напоминать, что я здесь салага. Почти все темы начинаются с фраз:

— Кристина, прости, но современную музыку слушать невозможно. Кристина, ты, конечно, извини, но ваше поколение никуда не годится. Кристина, не принимай на свой счет, но...

Я не принимаю, но в такие моменты особенно сильно скучаю по своим подругам, которых почти потеряла за годы брака. Ситуация обостряется, когда кто-то заказывает нам с Маликой бутылку шампанского. Мы вдвоем ходили потанцевать, и ребята за соседним столиком сделали комплимент.

Малика смеется и шлет им воздушные поцелуи, я же себе такую вольность позволить не могу: Светлана сканирует вдоль и поперек. Иногда мне даже кажется, что она ведет онлайн-трансляцию Василисе, докладывая бывшей Марка о каждом моем жесте. Что они меня обсуждают, ни для кого не секрет, и по большей части мне нет до этого никакого дела. Мы с мужем любим друг друга и знаем, зачем вместе.

Обычно. Сегодня я чувствую себя уязвимой. Выдала утром, что если решу загулять, то он не узнает. Я достаточно умна для этого. Тут же пожалела о своих словах — Марк покраснел и ушел, хлопнув дверью. Как я ненавижу ссориться! Боже, ну что мне сделать, чтобы он меня услышал!

Светлана сверлит взглядом, и я демонстративно отставляю от себя бокал с игристым. Это так глупо! Мы пять лет с

Марком вместе, а я все еще доказываю его окружению, что люблю мужа по-настоящему, а не за деньги. Казало бы, зачем мне чужое одобрение? Но тяга к признанию вшита словно на клеточном уровне. Раньше я искала одобрение во взгляде отца, потом мужа, теперь — всех.

Включаю «противозачаточное лицо» и жду первой возможности свалить в свой отель. А когда она все же появляется, меня ожидает новое потрясение: первым, кого я вижу, заходя в просторный холл, оказывается Баженов.

Демьян еще не успел переодеться во что-то менее официальное и явно торопится. Идет к выходу, а я как раз в дверях. Его брови летят вверх, а сам он замедляет шаг и останавливается, давая понять, что... короткими вежливыми фразами мы не ограничимся.

Глава 3

— Что смешного? — выдаю я внезапно, да еще и таким тоном, словно мы вчера с Демьяном в кино ходили!

Баженов улыбается шире. Мы только что неуклюже клюнули друг друга в щеки и отстранились.

— Что-то не так?

Поправляю волосы, беспокоясь, не размазалась ли помада. Проверяю его щеку — есть розовый след, который я поспешно стираю. У него щетина, ого, раньше так не было.

Делаю шаг назад и оглядываюсь в надежде увидеть отражающую поверхность.

— Хах. Не знаю, Крис. Ты даришь мне... дикую радость, — говорит Демьян, продолжая улыбаться, пусть и чуть сдержаннее.

— А-а-а, — тяну я, тоже рассмеявшись. И наконец расслабляюсь.

Молчу. Что тут еще добавить? Ему удалось двумя словами выразить все то, что я и сама чувствую. Дикая радость от встречи, от тех эмоций, детских, приятных, сбивших с ног волной. Они возникают далеко не при каждом столкновении с прошлым, но с Демьяном именно так вышло.

— Ты одна? — разрушает он момент.

— Нет, конечно. Марк должен скоро вернуться. А где Яна?

— В номере. Мне нужно отъехать, она решила отдохнуть.

Мне нравится его спокойный голос. Кажется, по голосу я тоже соскучилась.

— По работе?

— Да, но я ненадолго. Ты ужинала?

— Я не голодна, а что? Хочешь пригласить? — Склоняю голову набок.

Мы вновь улыбаемся, внаглую рассматривая друг друга. Интересно ведь, как изменились. Не то слово, как интересно.

— Мы еще ничего не ели. Янка столик застолбила на девять, я как раз спешу, чтобы успеть. Пошли с нами?

— Да ну, ты что! Я не собираюсь мешать. Вы такая пара красивая, а тут романтика. Черные ночи, море, — говорю запросто, как есть. Без масок и уловок.

Мы можем себе позволить быть честными. Как-то раз Дем спас мне жизнь, когда сбегал за тампонами, пока я пряталась в туалете спортзала. Я думала, умру от стыда. Как видите, живая. Пережить можно и не такое, оказывается.

— Ты не помешаешь, — отвечает он спокойно, уютно. То же запросто. — Мы ужинаем каждый день уже почти год, а еще завтракаем и иногда обедаем. Будем рады компании. Заодно расскажешь о себе, мама упоминала, что ты стала художницей.

— Да, стала. Приятно, что ты интересовался.

— А как же. Встречаемся здесь, внизу, в половине девятого. Завтра я весь день работаю, а вечером мы улетаем в

Екатеринбург.

— Надолго?

— Как пойдет, но вообще да.

— Спасибо за предложение, но, наверное, я все же пас. Ужасно болит голова.

— У Яны есть таблетки от всех видов головной боли, она меня щедро ими кормит. Поднимись, номер 602. Соглашайся, Крис. Яна внесла огромный депозит, мы столько не съедим.

— А ты настойчивый. Но увы. Прости, в другой раз обязательно.

— Птенец, — бросает Демьян с шутливым укором старшего брата.

Дурацкое прозвище, которое он мне присвоил давным-давно. И которое не забыл.

— В другой раз я покажу тебе все сто тысяч своих иллюстраций, это будет самый долгий ужин в твоей жизни, Бажен, — многозначительно обнадеживаю.

Он усмехается, глаза закатывает, смотрит на время. Занятые мужчины — это море, в котором я барахтаюсь с рождения, поэтому понимаю. Ему пора. У него дела, работа, Екатеринбург.

Еще раз, напоследок, рассматриваю его лицо, родинку на щеке, улыбаюсь. У меня почти такая же, почти в том же месте.

Мы как-то одновременно тянемся друг к другу, крепко

обнимаемся и расходимся. Демьян очень спешит. Надеюсь, всё под контролем.

Я же направляюсь к лифту в приподнятом настроении.

Составить компанию Баженову и его девушке — большой соблазн, но у меня есть Марк. Мы слишком преуспели вмести друг другу, чтобы обострять и без того дурную ситуацию. Я просила мужа приехать пораньше, и будет подло переиграть планы. Надеюсь, именно Марк сводит меня на ужин, именно он составит компанию. Я по нам скучаю. Так скучаю, что словами не описать. Наши поступки напрямую зависят от приоритетов, и мои — очевидны. Кроме того, мы давно не занимались любовью, и хотелось бы, чтобы это случилось здесь, на юге, в этом красивом отеле.

Первым делом я скидываю туфли и закрываю глаза от удовольствия. Затем раздеваюсь до белья, наливаю воду в стакан и замираю перед зеркалом. Разглядываю себя под разными углами, собираю волосы, распускаю. И жду. Жду стука в дверь, жду мужа.

Освежаюсь под душем, заваливаюсь в кровать и от скуки открываю соцсети. Время тянется, от Марка ничего. Наконец, пишу ему:

«Родной, я проголодалась, ты скоро?»

Тишина. Проходит пятнадцать мучительных минут, после которых я звоню мужу. Он отвечает почти сразу и, судя по голосу, веселый, значит, никаких потрясений на работе. За годы брака я узнала его настолько хорошо, что по банально-

му «да» могу определить степень усталости и озабоченности.

В первую секунду я радуюсь, но затем настроение портится. Марк сообщает, что его пригласили продолжить вечер на яхте, и предлагает заказать еду в номер.

Они уже... отплыли.

В шок впадаю. Пот выступает между лопатками, от возмущения я так нервничать начинаю, что спрыгиваю с кровати и по номеру шастаю. Никогда не позволяла себе быть вспыльчивой. Поймите правильно, мой муж старше — я должна была быть в сто раз уравновешеннее, чтобы соответствовать. Но сегодня — взрываюсь.

— Я бы тоже. Не отказалась. Побывать на яхте, — шиплю, как змея ядовитая. Трубку сжимаю. Все еще держа себя в руках, но это становится непросто.

В ответ обычные аргументы. Там одни мужчины. Тебе будет скучно. Мы курим сигары, молоденькой девочке будет неуютно.

И я с Марком полностью согласна, с одной стороны, но с другой... в последние годы я слышу эти отговорки постоянно. Он занят, у него дела, у него друзья, свой досуг. А я все больше времени провожу в одиночестве. Я к друзьям его постоянно ищу подход, чтобы вписаться, чтобы быть ближе, а это непросто! Первый год я вообще не понимала, что не нравлюсь Светлане и другим, и весь сарказм воспринимала как что-то нормальное, обычное. Что-то, что я заслужила и должна изменить. Потом поняла все, конечно. Я привыкла

нравиться, привыкла тянуться к людям и запросто впускать их в душу, но они в ответ не обязаны отвечать взаимностью.

— Я думала, ты приедешь пораньше и мы займемся любовью, — говорю прямо. Без ужимок, полупафоса.

Марк замолкает. Не ожидал, наверное, такой прямоты.

— Я тебя разбужу, малыш.

— Я хочу тебя, — произношу громче. — Я твоя жена и хочу секса сейчас. Я... — На глаза слезы наворачиваются. — Я в новом белье, в шикарном платье, с макияжем. Я хочу... чтобы ты меня раздел!

— Кристинка? — усмехается муж. — Что с тобой случилось?

— Я хочу провести время с тобой! Мы ругались все утро, и я думала, что будем мириться. А ты?! Ты взял и уплыл!

Премираемся еще некоторое время, пока я не распознаю в его голосе нотки раздражения. Обижаюсь и сбрасываю звонки.

Мечусь по номеру, аж запыхалась. Маловероятно, конечно, что на яхте будут другие девушки. Да если и будут, вряд ли Марк позволит себе лишнее, я в нем уверена. Но как же обидно, что он принял решение провести вечер с друзьями в море и даже не сообщил об этом! А если бы я так сделала? Если бы я куда-то уехала на несколько часов, ничего ему не сказав?

Руки заламываю и чувствую одиночество. В последнее время оно воспринимается как-то совсем болезненно. Мне

не хватает Марка, а еще — не хватает слов, чтобы донести до мужа, как важно для меня его внимание.

Снимаю платье, которое успела надеть, и бросаю на кровать. Марк приедет поздно, не сомневаюсь, я буду дрыхнуть без задних ног. Подхожу к окну, смотрю на вечерние огни города. Так сильно хочется туда, к людям. Посмотреть, себя показать. Я ведь раньше была активной, общительной. Это в последние годы сижу взаперти.

На часах — двадцать минут девятого. Баженов говорил, что они с Яной выходят в половину. Боже, Марк лопнет, если узнает. Он же сказал, что не доверяет Демьяну.

А потом я думаю о том, что, если бы не позвонила Марку, так бы и не узнала, что он в море. Сидела бы и ждала до ночи, голодная, но с тонной макияжа на лице.

Я открываю шкаф, достаю шорты с топом и быстро одеваюсь. Наверное, ужин с Баженовым и его девушкой обострит нашу ссору с Марком, но сейчас мне как раз и хочется обострения. Конфликта. Чего-то весомого!

Беру сумку и выхожу из номера.

Глава 4

Улыбчивый администратор воспринимает мою заминку по-своему и спешит на помощь:

— Добрый вечер, вам вызвать такси?

— Спасибо, я жду друга, — отвечаю приветливо. — Всё в порядке.

Разулыбавшись, мужчина откланивается, а я вновь обнимаю себя. Оглядываюсь, ища Баженова. Шумная компания подруг проносится мимо и высыпает на улицу. Для многих события сегодня только начинаются, в том числе и для моего мужа. Закусываю губу, понимая, что лучше умру, чем вернусь в номер и лягу в постель.

С улыбкой провожаю девушек — красивые, веселые, предвкушающие веселье. Хотя почему предвкушающие? Оно уже вовсю идет! Они и есть само веселье, им будет здорово, куда бы ни отправились. По-доброму завидую. Тоже хочу.

Когда в моей жизни появился Марк, подруги пришли в полный восторг. Наконец-то я встретила достойного человека — умного, уверенного в себе, пылкого. Марк оказался слишком мне подходящим, я стремилась проводить с ним все свое время, ставя кресты на прочих социальных контактах. Он занятой человек, а я была всего лишь студенткой, которая ненавидела свой мехмат и обожала графический план-

шет, без которого не выходила из дома. Конечно, мне было легче подстроиться под нужды партнера, я бросила свой мир и с радостью погрузилась в его.

Когда мы купили дом и занялись ремонтом, я как раз поступила на курсы дизайнеров и полностью растворилась в браке и создании гнездышка. Чтобы куда-то сходить, нужно было как минимум доехать до столицы, а это больше часа. Почему-то мне казалось, это слишком долго, и я все чаще отказывала подругам.

Бросаю взгляд на часы — без двадцати девять, я жду пятнадцать минут. Возможно, Баженов со своей спутницей уже уехали. Это было бы логично, ведь я категорически отказалась от ужина. И номера телефона нет, чтобы позвонить. Можно, конечно, поискать Демьяна в соцсетях и написать туда, но, если они на самом деле уже уехали, будет неприятная ситуация: не возвращаться же из-за меня. А если он прочитает только завтра, то я буду выглядеть жалко.

Тем не менее стою на месте. Упорно, сама не зная, на что надеюсь. Поехать куда-нибудь одной? Раньше, до замужества, это не было проблемой, да и вряд ли в центре курорта опасно. Можно взять планшет, найти интересный вид и порисовать. Творчество было моей отдушиной с детства, но в последнее время его стало так много, что мне нужна передышка.

Ладно, захвачу планшет, а там посмотрим. Возвращаюсь в лифт, тянусь к нужной кнопке и вдруг вспоминаю, что Ба-

женов говорил номер комнаты.

Вот блин.

Почти девять, они точно в ресторане. Или... Я жму на цифру шесть и через несколько секунд выхожу на нужном этаже.

Возможно, Демьян все еще работает и в номере одна Яна, которая точно так же, как я, скучает и не знает, чем заняться. Такой ход событий кажется вполне правдоподобным, пульс ускоряется. Пока Баженов работает, мы могли бы выпить в баре, поболтать. Яна показалась приветливой и юморной — почему нет?

Сделав пару шагов, сталкиваюсь с новой проблемой — я в упор не помню последние цифры номера. Шестьсот... два? Три? Или один?

Боже, какой стыд. Не долбиться же ко всем подряд? Но картинка, как мы с Яной болтаем о пустяках, потягивая шампанское, до того привлекательна, что я решаю: а что, собственно, такого? Не побьют же палками.

В номерах 605 и 604 никто не отвечает, я подхожу к 603 и уже поднимаю руку, чтобы постучаться, как замечаю, что соседняя дверь приоткрыта. Вернее, из узкого зазора торчит шпилька. Кто-то поспешно разувался, захлопнул дверь, не заметив, что каблук застрял.

Туфли отличные, у меня есть этого бренда, правда чуть-чуть другие. Жалко, если поцарапаются. Надо спасти!

Сделав еще пару шагов, я на мгновение замираю, прислу-

шавшись. Потому что из номера 602 доносятся звуки. Вполне, блин, характерные звуки — ритмичные, быстрые, четкие. Словно за стенкой работает станок, отбивая нужный ритм, вот только я не на заводе, а в красивом отеле.

Брови летят вверх, по коже проносится морозец, словно кондиционеры резко усилились.

Глупая улыбка растягивает губы: в номере 602 занимают-ся сексом. Активно занимаются: эти резкие, звонкие шлепки ни с чем другим не перепутаешь. Приближаю голову и различаю тихие, сдавленные женские стоны. Не показные крики, а хриплые звуки настоящего удовольствия.

Сжимаюсь, замерзнув окончательно и, видно, остолбенев от этого. Иначе объяснить не могу, зачем стою и слушаю. Слушаю и стою. Боже! Да что я делаю?!

Растрепанные нервные окончания обостряются, в любой другой ситуации прошла бы мимо, но у меня самой так давно не было нормальной близости с мужем, что я... боже, я возбуждаюсь просто от того, что кто-то рядом занимается любовью. От мысли, что несмотря на ссоры в моем браке, секс в мире все еще существует и люди им наслаждаются.

Сердечко сжимается от того, как быстро он ее... и как интимно, только для него одного, она стонет при этом.

Через вдох я усмехаюсь и качаю головой: во дают. Флер неуместного вожделения слетает, я прихожу в себя, порадовавшись в глубине души, что никто никогда не узнает о моих неадекватных реакциях на чужую близость.

Счастливые. Влюбленные, наверное. Быстро наклоняюсь, чтобы пропихнуть шпильку и тихонько закрыть дверь, дабы больше никто не нарушил их отдых.

Шпилька, мать ее, не пропихивается. Зазор слишком узкий. Да блин!

Думала, справлюсь за секунду, в итоге вожусь целых пять, отдавая себе отчет, что камеры в коридоре снимают, чем я занимаюсь. Щеки вспыхивают. Там, наверное, уже охранники присматриваются, чего я скребусь у порога.

Стыд. Стыд. Стыд.

Попытки протолкнуть каблук заканчиваются тем, что зазор становится больше и звуки, соответственно, громче. Я сделала хуже! Теперь их может услышать проходящий мимо.

Бедра мужчины работают быстрее. Это уже не секс, это другим, матерным словом назвать можно. А я... будто участник процесса, подслушивающий. Полагаю, моему поведению соответствует извращение с каким-нибудь звучным названием. Боже. Швыряет в резкий дискомфорт, я захлебываюсь злостью на себя, что не ушла сразу же. Что сделала хуже!

Все стремительно происходит, любовники, должно быть, почти на пике, нельзя так долго активно трахаться. Никогда в жизни я не была настолько близка к чужому сексу, от своего-то далека в последнее время, поэтому впадаю в панику. Толкаю дверь и пропихиваю, наконец, долбаную туфлю вглубь номера!

Перед тем как закрыть дверь и сбежать, буквально на од-

ну крошечную секундочку я поднимаю глаза и вижу перед собой большую комнату. Почти такую же, как у нас с мужем. На полу смятые простыни, по центру — постель, а не ней двое.

Они как раз позу меняют: она на спину падает, а он сверху ложится. Тела движутся в унисон. Застываю от того, насколько это... поразительно. Свет от ночника падает на спину мужчине, его бедра скрыты в тени. Под ним любовница, я вижу ее руки на его лопатках, разметавшиеся по подушке темные волосы, и, как художница, на миг восхищаюсь. Открывшаяся картинка настолько эстетически хороша, что я бы ее написала несколькими точными мазками. Или сфотографировала. Безумно сексуально.

Трачу на любование пару мгновений, и это роковая ошибка. Потому что мужчина резко садится, тянет девушку за волосы и выпаливает низко:

— Возьми в рот. Сейчас.

О боже.

Она расторопно соскакивает на пол, приседает и начинает сосать. Быстро, глубоко, жадно. Мужчина запрокидывает голову.

Капец!

Свет ночника теперь падает на его пах, скрытый головой девушки. Мужчина крепко держит любовницу за волосы и задает темп. Они совсем растрепались, и он собирает пряди в кулак, продолжая иметь ее рот. И как только он это делает,

мне открывается лицо его любовницы. На девушку попадает свет, и я тут же понимаю, что это Яна. Которая из Анапы.

А значит, мужчина... о нет, это же Демьян!

Кидает в такой сильный жар, что я, по ощущениям, взрываюсь от ужаса. Я смотрю на секс Баженова. Нет! Нет-нет-нет! В жизни бы... никогда... ни за что! Он же бро!

Смущение пронзает каждую клетку. В следующую секунду Яна поднимает глаза, видит меня и останавливается.

— Э-эй! — тянет Демьян недовольно. Садится ровно.

На следующем вдохе он замечает слезку, и я проваливаюсь под землю.

Глава 5

Пульс в висках молотком отбивает вальс «Стыд и срам». А это именно он, перепутать с чем-то другим такую композицию немыслимо.

Следующий вдох я делаю, лишь когда влетаю в свой номер.

Баженову проямлила что-то вроде: «Я хотела попросить таблетку. Извини».

Задержала дыхание и побежала по коридору! Пронеслась вниз по лестнице на четыре этажа. Это ж надо, как я могу на каблуках, оказывается. Сердце стучит, руки дрожат. Номер 602, точно, как можно было забыть! Его номер!

Лишь закрывшись на все замки и рухнув в кресло, я позволяю себе расслабиться и рассмеяться. Хотела ведь приключений. Вот, пожалуйста.

Демьян, капец, ну ты даешь.

«Возьми в рот. Сейчас».

Еще и командным тоном! Смешно, когда без контекста. Тоже мне мачо нашелся.

Таким я его не видела и не знала, и лучше бы так все и оставалось. Мы не должны знать о близких и друзьях подобное, интимную часть лучше оставлять за плотно(!) закрытыми дверями. Надеюсь, вскоре забудем об... хм, инциденте и при следующей встрече, которая состоится еще лет через

десять, будем вести себя как ни в чем ни бывало.

Я достаю из бара мини-бутылку шампанского, открываю и пью прямо из горлышка. Холодное, искристое, оно так легко идет, что невольно увлекаюсь. Еще и голодная ведь. Подхожу к окну, любуюсь на вид и медленно тяну алкоголь. Голова тут же приятно кружится, мышцы расслабляются, а ум, напротив, становится ясным.

С другой стороны, Баженов не совершил ничего плохого или недопустимого. Он взрослый мужчина и может делать со своей девушкой все, что она позволяет, в том числе ставить ее на колени и требовать минет. Несчастной Яна точно не выглядела. Это их дело, не мне судить и осуждать. Я не должна была это видеть, никто не должен был. Они развлекались в собственном номере. Всё в порядке. Для меня это слишком, но меня и приглашали на ужин, а не в постель.

Некоторое время хожу по комнате. Когда размышляю, открыть вторую бутылочку или умыться и лечь спать, дверной замок щелкает. Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь — расшатанные за день нервы рисуют в голове какие угодно картины. Я не хочу никого видеть, желание побыть одной становится нестерпимым.

Но пороге — Марк.

Глазам не верю, а затем ощущаю сокрушительное облегчение.

— Кристин, прости, — бубнит он, разводя руками.

Родной, хороший мой! Я подлетаю и обнимаю за шею, за-

жмуриваюсь. Ко всему прочему на плечи падает чувство вины: глупой истерикой я заставила мужа бросить друзей, вернуться на берег. Точно капризная малолетка, как поговаривают в его компании.

— Это ты меня прости, я превзошла себя. Я такая гадина. Мы обнимаемся. От Марка пахнет сигарой, морем и виски, я вновь прижимаюсь и целую его в щеку.

— Плакала? — спрашивает он, разуваясь.

Я наконец отлипаю и позволяю пройти в номер. Удивительно, но в этот раз — нет, хотя раньше при каждой нашей ссоре не могла сдержать слез. Все, что касается Марка, для меня максимально важно.

— Да нет, всё в порядке. — Сцепляю пальцы.

— Не думаю, что в порядке, — перебивает Марк. Обнимает со спины и касается губами шеи. — Довел жену до слез, нет мне прощения.

Закрываю глаза и улыбаюсь.

— Я сожалею, — повторяет он, обезоруживая окончательно.

Киваю. Быстро, послушно. Как можно на него злиться, после того как приехал, извинился? Как?

— В следующий раз предупреди, чтобы я не ждала как дура у окошка. Нарядившись и накрасившись, — выговариваю, отойдя немного и жестикулируя.

— Наряджалась? Стояла у окошка? М-м-м... — подкатывает он, расстегивая пуговицы на рубашке.

Мы оба пьяны, находимся у моря, позади трудный день, и совсем нет желания ссориться.

— Самая красивая девушка на этом форуме...

— Только на форуме? — кокетничаю.

— В мире, блядь, конечно, в мире. Я пьяный, малыш. Самая красивая девушка ждет меня, на хрен мне эта яхта. На хрен море! Иди ко мне.

Марк стягивает рубашку с плеч, и я люблюсь его подтянутым телом. Бросаю взгляд на дверь, убеждаюсь, что закрыта она хорошо, потому что равнять счет в деле подглядывания не хотелось бы точно.

Да и вообще Марку о том инциденте знать не обязательно. Я бы очень хотела поделиться случившимся, обсудить, но слишком хорошо знаю своего мужа и потому молчу. У него напрочь испортится настроение, он обвинит меня, мы снова поссоримся. Когда дело касается любого мужика в моем окружении, Марк из любящего мужа превращается в чудовище. Боже... ни за что.

Тем не менее мгновенно забыть об увиденном не получается, и чем больше пытаюсь, тем хуже выходит. К тому же шампанское дарит эйфорию, которая несет в небо!

А все потому, что меня впечатлило, какой была Яна. Как она реагировала, как охотно шла на любой вид контакта. Как расторопно устроилась на коленях и приступила к... Не отвлекаясь, не споря, не мешкая ни секунды. Я никогда не была столь раскованной и уверенной в себе и сейчас думаю...

почему?

В горле пересыхает, я ощущаю холодок, скользнувший по телу, и любовь к мужу, следом накрывает возбуждение. Сильное, острое, какого я давно не испытывала. Глядя Марку в глаза, стягиваю платье и на цыпочках, виляя бедрами и срываясь на дрожь, подхожу к нему. Грациозно обнимаю за шею.

— Ох, — выдыхает он мне в губы и целует. — Малышка.

Искра внутри вспыхивает пламенем. Неловкость, скромность и страх исчезают, как брошенные в пекло сухие поленья. Обнаженная Яна, с ее растрепанными волосами и часто вздымающейся грудью, была хороша. Я могу быть не хуже.

«Возьми в рот. Сейчас».

Боже. Эта фраза больше не кажется смешной. Мне хочется сделать что-то смелое, неожиданное, порадовать мужа. Если начистоту, то та сцена меня взбудоражила, и я не знаю, как иначе рассказать о ней Марку. Разве что показать?

Веду его к постели, прошу сесть. Он хочет в душ, но я слишком пьяна, чтобы упускать момент и ждать хотя бы мгновение! Забираюсь на колени, мы целуемся, ласкаем друг друга. Внутри пламя, пожар, я чувствую себя красивой и желанной. Самой яркой во всем мире!

Слезаю с колен Марка, расстегиваю брюки.

— Я хочу кое-что попробовать, расслабься, — шепчу. — И доверься мне.

— Кристина...

Я наклоняюсь, но он останавливает.

— Перестань, Кристина... Что ты делаешь? — звучит над головой.

И ладно бы грубо, к хлестким словам за пять лет я привыкла.

Но нет.

Марк говорит нас-меш-ли-во. А потом хохочет.

Вмиг проваливаюсь в реальность и чувствую себя неуклюжей малолетней дурочкой. Быстро отстраняюсь, Марк смеется и поднимается на ноги.

— Шампанское тебе противопоказано. Дуй в кровать, я сейчас.

Трясти начинает, но не от азарта больше, а от... банального разочарования. На глазах выступают слезы.

Марк уходит в ванную, а я кидаюсь к шкафу и кутаюсь в халат. Становится холодно и зябко. Мгновенно перестаю любить свое тело и саму себя.

А потом, когда за стеной включается вода, я реву. Так глупо себя чувствую! Я, наверное, смешно выглядела, раз он так отреагировал.

Закусываю кулак, умирая от стыда и внутренней боли. Думала, неуверенность и обиды сгорят в огне страсти, но они лишь стали пеплом и засыпали с головой.

Обида царапает душу наживую, но обида не на мужа, а на себя саму. Я не боюсь посмеяться над собой, не слишком

обидчивая и вполне отходчивая, но дело в том, что минуту назад я не пыталась быть смешной. Решила, что я... боже, что я сексуальна. Очень сомневаюсь, что бывшей жене он смел сказать нечто подобное!

Захожу во второй санузел, наскоро принимаю душ, тщательно умываюсь, вновь кутаюсь в халат и ныряю под одеяло. Марк приходит через несколько минут. Ужасно неловко смотреть на него после инцидента, и я делаю вид, что сплю.

Он укладывается под одеяло, пододвигается ближе. Прижимается губами к плечу, и по телу тут же разбегаются неприятные мурашки. Я уже практически трезвая, и мне очень неловко, что вот так встретила его, полезла первой. У нас это не принято, Марк влюбился в мое «противозачаточное лицо», в недоступность.

Что на меня нашло? Делаю громкий вдох-выдох, он его слышит, конечно.

Просит повернуться, я отказываюсь, Марк применяет силу, и когда добивается задуманного, сжимает мой подбородок.

Слава богу, муж полностью серьезен. Если бы попытался шутить, мы бы окончательно разругались.

— Ты прекрасна, Кристина, — произносит он низко. — Я обожаю твои губы, обожаю целовать их, любоваться ими. Обожаю, когда ты смеешься. Твои губы не созданы для мимета. Если бы я хотел, попросил бы об этом сам. Я ценю, что ты так меня встретила, но я весь день занимался делами, и

для меня это было слишком.

— Я... блин, Марк. Мы давным-давно так не делали. Наверное, ни разу после свадьбы. Вдруг мои губы как раз созданы? — Моя очередь отшучиваться. — Захотелось попробовать, ты не дал даже шанса.

— Ты ведь знаешь, где я вырос, мне это все сложно. Как мне потом тебя целовать?

Я смотрю вниз, сглатываю. Пожимаю плечами.

Он продолжает:

— Я слишком сильно люблю тебя целовать, и я не хочу запоминать твои губы в этом... положении. Ты ведь моя девочка, как мы без поцелуев? Я умру без твоих поцелуев.

— Прости. Я просто... не знаю, что на меня нашло. Настроение было такое. Ты уехал, оставил меня одну. Опять. Я решила сделать что-то особенное, поразить тебя. Изменить что-то.

— Иди сюда.

Марк притягивает меня ближе, после чего мы занимаемся любовью. Он внимателен и нежен как обычно. У нас давно ничего не было, а я весь день как натянутая струна, но все же ощущаю скованность. Будто конфликт, который мы начали, никуда не делся, и сегодняшняя реакция мужа это лишь подтвердила. Любую инициативу, которую я проявляю, он гасит с жестокостью.

Если во всех прочих областях я борюсь за себя и свободу, могу подобрать аргументы, отстоять свое «Я», то в интимной

жизни... остаюсь один на один со стыдом, и он съедает меня заживо. Хочется уменьшиться и не быть вовсе. Чувство вины становится непосильной ношей. Когда познакомилась с Марком, я не была девственницей, и раньше это не было проблемой. По крайней мере, я так думала.

Пика я достигаю, но наслаждение получается смазанным и даже в тягость. Неловкость такая сильная, что мне стыдно уже за все на свете. Никак не могу с собой справиться. Лежу в кровати, смотрю в ночное небо.

Марк засыпает быстро, он устал, а на часах всего лишь начало одиннадцатого. Живот скручивает голод, я ведь и правда не ела весь день, не считая пары тарталеток. Тошнит от выпитого шампанского. А еще почему-то хочется покурить, хотя я этим не увлекаюсь. Так, в студенчестве с подругами баловалась на сессиях, когда нервы были ни к черту.

Это чувство, когда ты рядом с любимым человеком в красивом городе, но при этом одинока, — оно нестерпимо. И я понятия не имею, что делать и как это исправить.

Марк относится ко мне как к маленькой девочке, и мне это нравилось до поры до времени, пока мои интересы были в рамках его интересов. Но как только они стали выходить за пределы — ситуация резко изменилась.

Марк не позволил мне поехать в Рим, где проходили важные курсы по моей специальности, которые я оплатила, но пропустила по его вине. Не позволил устроиться в издательство. А когда я все же получила заказ на комикс, поставил

ультиматум отказаться, ведь писатель был мужчиной, и мне пришлось бы с ним контактировать. Я потеряла ту работу, комикс вышел, но без моего участия. Был нарисован хуже, чем я могла бы, но даже при этом получил известность и огромные продажи. Я чувствовала себя разбитой!

Это случилось примерно год назад, с тех пор я начала бороться, и наши отношения испортились.

Я вновь вспоминаю тот комикс, который мог бы стать отличным стартом карьеры, и злюсь на мужа. На себя. На ситуацию. Злюсь так, что справиться с собой не могу!

Поднимаюсь с кровати и иду в душ. После чего натягиваю джинсы, майку, ворую пару сигарет из пачки Марка и выхожу в коридор. Мне нужно немного побыть одной, а там, внизу, есть отдельный бар для курильщиков, под открытым небом. Надеюсь, он пуст.

Глава 6

Народу столько, что яблоку упасть негде.

Безотрадно я оглядываю бар у бассейна и горестно вздыхаю: удобные кресла и пуфики заняты компаниями, гости отеля пьют, курят кальян и на боковую не собираются. Красивая девушка в строгом пиджаке играет на фортепьяно что-то современное. Детей нет, соответственно, нет шума. Территория взрослых, уставших от хлопот людей. Полный релакс, приглушенные разговоры, пытливые взгляды. Небольшая неловкость покалывает кожу. Я так давно никуда не ходила без мужа, что сейчас ощущаю себя не в своей тарелке. Какой-то будто... предательницей.

Прохожу вглубь, надеясь на местечко у барной стойки, и... внезапно спотыкаюсь о взгляд Яны. Прямой, явный и, увы, полный узнавания.

О нет.

Они с Демьяном отдыхают, устроившись за одним из столиков. Завидев меня, Яна резко садится и машет, а я... да что тут еще сделаешь?

Комично закрываю глаза руками, но так, чтобы было очевидно — подглядываю. И якобы на ощупь пробираюсь к ним.

Яна звонко смеется, откинувшись на подушки, Демьян тоже улыбается, присаживаясь ровнее.

— Вы одеты, точно? Сто процентов? — наигранно паникую я.

— Даже в носках, — успокаивает Демьян вроде бы и серьезно, но с едва различимым смешком. — Не дрожи, птенец.

Он по телефону разговаривает, отвлекается только для того, чтобы пошутить, после чего включает микрофон и отворачивается. Я слышу его серьезный тон:

— Да. Говори, Мих.

Послушно опускаю руки. Яна расторопно пододвигает еще один мешок ближе, Демьян делает знак официанту, и мне ничего не остается, кроме как сесть к ним. Ух! Вот ведь угораздило.

И снова мы втроем. Тарам-пам-пам. Судьба, видимо.

На этот раз, правда, эти двое действительно одеты: на Яне короткое яркое платье, Баженов в льняных брюках и рубашке. Выглядят полностью безопасно.

На их столике пара недоеденных кусков пиццы, снеки и коктейль в красивом бокале. Рядом стоит кальян.

— Извините, ребят. — Встряхиваю волосами и неловко тру шею. — Странно вышло. Я ничего не видела. Практически.

— Кристин, ты так быстро убежала... Мы перепугались, что у тебя теперь травма останется, — произносит Яна вполголоса, сжимает зубы, оглядывает меня. — Ты okay?

Мне кажется или Демьян в этот момент бросает на нее

предостерегающий взгляд, вновь отвлекшись от беседы? Хотелось бы в этом удостовериться, но я слишком хорошо помню его голым и не решаюсь оторвать глаза от стола. Спешу сгладить ситуацию:

— Я-то окей, а вы? Мало кому понравилось бы, что к ним в номер вломились. Я дернула за ручку, и дверь оказалась открытой. Это полностью моя вина, и мне ужасно некомфортно от этого.

— Слава богу, ты не обиделась! — Яна берет меня за руку, сжимает, лишь тогда мы смотрим друг на друга. — Сама понимаешь, люди разные есть, я переживала, Демьян вообще психанул. Он сам тебя пригласил, и это выглядело как подстава. В общем, обычно мы такие сюрпризы друзьям не устраиваем, клянусь здоровьем. Собирались завтра извиниться.

Демьян тем временем продолжает говорить негромко, выглядит крайне занятым и деловым. Если бы я не знала, кем он работает, решила бы, что мы избегаем контакта.

Подходит официант, я крепче сжимаю пальцы Яны и с перепугу заказываю еду и выпивку, впрочем отдавая себе отчет, что раз делаю это — значит, остаюсь с ребятами надолго.

— Спасибо. Да, просекко и воду можно сразу, — благодарю официанта и возвращаюсь к заглядывающей мне в глаза Яне. В очередной раз успокаиваю: — Всё в порядке, честное слово.

— Я так боялась, что шокировала тебя своей задницей, —

она наконец отпускает мои ладони, берет мундштук и делает затяжку.

— У тебя шикарная задница, — парирую я. — Ее я как раз успела рассмотреть тщательно.

— Честно? — смеется Яна. — У тебя тоже шикарная.

— Спасибо, — улыбаюсь.

Демьян стреляет в нас глазами, боковым зрением я улавливаю, что он слегка прищуривается, потом вскидывает брови, словно обалдевая. И продолжает свою заумную беседу.

— Мне правда очень-очень приятно, если ты так думаешь, — тараторит Яна.

— Вы смотрелись отлично, очень красиво.

— Нужно было тогда присоединиться, — выдыхает она, видимо, на кураже, вместе с дымом. Абсолютно запросто.

— Крис не по этой теме, не надо, Ян, — тут же включается Баженов, в момент ошпаривая кипятком.

Строгий, вкрадчивый голос обрубает веселье. Демьян явно дает понять, что разговор этот стоит закрыть навсегда. Причем «не по этой теме» прозвучало так, будто я не по теме секса совсем. Он будто вернул нас на пару минут назад, когда всем было неловко. Да нет, еще раньше! Мне будто снова пятнадцать, и он ведет себя максимально благородно и правильно, как обычно отгораживая ребенка от запретного. Это раздражает. Почему все мужчины вокруг относятся ко мне как в маленькой?!

Яна, растерявшись, быстро закрывает ладонью рот. Обо

мне эти двое, видимо, говорили мало. Еще бы, если Баженов весь день пашет удаленно, присутствуя физически, но по факту — лишь номинально. Вот опять проверяет телефон, читает сообщение.

— Прости, Кристин, я лишнее ляпнула. Пошутила неудачно. Не обижайся только, пожалуйста. С Демьяном я иногда совсем теряю берега. Мы с ним обсуждаем любую тему.

— Да нет, всё клево, — отвечаю я. Достāju сигарету. — Кстати, нет зажигалки?

Демьян, вновь погруженный в разговор, но одним ухом явно слушающий нас, подносит зажигалку, чиркает. Я чуть приподнимаю брови от облегчения: слава богу, он хотя бы не начинает отчитывать за курение. Затягиваюсь и выпускаю дым, погасив позыв покашлять. Продолжаю:

— Спасибо. Мне приятно, Яна, честно, вы классная пара. И я совсем не ханжа, как думают некоторые, — нажимаю голосом, бросая на грудь Баженова выразительный взгляд.

Почему на грудь? Смотреть выше или, не дай боже, ниже — все еще боязно.

— Я замужем, ну и Демьян... он ведь друг, — улыбаюсь и добиваю таким тоном, словно речь не о дружбе, а о нетрадиционной ориентации: — Совсем друг. — Дарую щедрую ответочку: — Я себя не представляю с ним. Ну и... конечно, я люблю мужа.

— У вас крепкие классические отношения?

Ох. Вот это вопрос. Не могу сказать, что он меня шокирует, я хоть и замужем, но живу в двадцать первом веке. Давным-давно никто в окружении не спрашивал ничего подобного.

— Да, более чем. Марк к тому же ревнив. Он вырос на севере, в небольшом городишке, где были свои правила и порядки. С некоторыми его привычками я до сих пор не могу смириться. Он классный, очень. Лучший. Но такие шутки не понимает. У него... другой юмор.

Последнее уточнение даю на всякий случай. Просить ни о чем не рассказывать — унинительно, будто у меня от мужа есть секреты, а вот намек должно хватить. Если не хватит, что ж, буду выкручиваться.

Марк, несмотря на успех и приятную внешность, по жизни одиночка и большой трудоголик. После развода он слегка одичал. Первое время мне казалось, что я отогреваю его, получая взамен заботу и защиту. А что сейчас? Сейчас все по-прежнему, вот только мы запутались.

Вновь затягиваюсь и выдыхаю дым, голова тут же кружится, а нервные клетки остывают. Я искренне надеюсь, что мои глаза не кажутся красными и я ничем не выдам, что за последние пару часов плакала, занималась сексом и снова плакала.

Приносят воду, бокал игристого, а еще через пару минут — салат с телятиной. К тому времени Демьян заканчивает разговор и забирает у Яны мундштук. Затягивается, выпус-

кая дым в сторону.

— Простите, дамы, работа. — Ему действительно неловко за занятость, это чувствуется по голосу.

— Демьяну пора в Екб, но он не мог улететь сегодня из-за того, что должен лично присутствовать на закрытии форума. Поэтому он не расстается с телефоном ни на час, — жалуется Яна.

Баженов стреляет в нее глазами и слегка улыбается, самую малость, одними уголками губ. Она тут же подхватывает:

— Что?! Тридцать минут максимум, я засекала.

— Да конечно, — бурчит он. На миг закатывает глаза.

Отворачиваюсь и прыскаю! Забавные они в этих своих перепалках. Я жадно напиваюсь исходящей энергетикой — их легкостью, нескончаемым флиртом. Даже если бы я не влетела к ним в номер, то могла бы догадаться: между ребятами достаточно близости. А тут еще четкая картинка в воображении — ее голова у его паха. И невинное предложение после — присоединиться. Я бы спросила, какие отношения у них, но для этого нужно выпить. Много.

Тушу сигарету и принимаюсь за салат. Сметаю его махом, шлифую сворованным куском пиццы.

— У тебя все нормально? На работе, — украдкой спрашивает Яна. — Ты хмуришься.

Демьян кивает, впрочем, морщинка между бровями становится лишь глубже. Я вижу, что он полностью трезв, пьет воду с лимоном.

— Решу. Отдыхай.

Яна наклоняется, и он легонько целует ее в губы. Я вновь отворачиваюсь — настолько это естественно и интимно, а подглядывать нехорошо.

— Марк тоже все еще работает? — спрашивает Демьян.

— Нет, он в номере. Очень устал и вырубился. Это мне вечно не сидится на месте, хочется куда-то идти или ехать.

— Что-то знакомое! — восклицает Яна. Жалуется мне: — Мы собирались в классный ресторан, я забронировала стол за неделю, в итоге сидим в отеле и курим. Всё. Весь досуг. Ни танцев, ни впечатлений.

— Кристина, спасай, — мягко произносит Демьян, — самое время для галереи твоих работ. — И поясняет Яне: — Кристина художница.

— Да ладно! — оживает она.

Демьян тоже тянется ближе, когда я открываю на телефоне один из альбомов. Еще немного, и его дыхание коснется моей кожи.

Как же хорошо, что он в носках. И во всем остальном. Господи.

Мы перебарываем остатки смущения и снова шутим о том, что было. В этот раз довольно жестко, я прошу повторить по бис. Баженов цокает языком, Яна веселится.

Время устремляется вперед с такой быстротой, что оглянуться не успеваю: мы обсуждаем все подряд. Мои работы,

Адлер, форум, мой брак. Я рассказываю, как познакомилась с Марком, показываю фотографии с нашей свадьбы, в какой-то момент ловлю себя на том, что немного хвастаюсь. Просто... Демьян с Яной постоянно контактируют — касаются друг друга, переглядываются, шутят.

Глядя на этих двоих, я понимаю, как много мы с Марком теряем, отмалчиваясь последние месяцы. Демьян протягивает мундштук и новую насадку в пакете. Поначалу отказываюсь, но потом беру.

Курим вдвоем, снова шутим, снова смеемся. И я расслабляюсь, да так, что саму себя не узнаю. Демьян по-прежнему трезв, периодически выключается из беседы и утопает в телефоне, но мы и с Яной не скучаем. Она общительная и не вызывает негатива. Приятная девушка.

И тем не менее... в глаза друг другу мы с Баженовым так и не смотрим. Явно избегаем контакта. Случившееся не забыто и грозной тучей висит в воздухе. Давит на нас сверху. Я не могу развидеть ту картину, перестать слышать звуки.

Поглядываю украдкой.

Не всегда он такой правильный и благородный, как со мной. Не всегда и не со всеми — простая истина, понятная, логичная. Но все же почему-то потрясшая до глубины души.

Не могу я так скоро вести себя как прежде. Слишком пьяна и возбуждена, чтобы выбросить из головы секс.

А потом наступает два часа ночи, и на мой телефон падает сообщение:

«Ты где?»

От Марка, разумеется. Я спохватываюсь, осознав, что зревает новая ссора, и торопливо допиваю игристое. Тепло прощаюсь с Яной, машу Баженову, который в очередной раз отошел потрещать по телефону, на этот раз резко и с ругательствами. Какие-то сервера где-то зависли и не добрались до цели. У всех свои проблемы.

Уже делаю несколько шагов ко входу в отель, как ощущаю за спиной движение. В следующий момент Демьян добегают до меня и окликают:

— Кристин!

Приходится остановиться, обернуться. И совершенно случайно, разумеется, наконец посмотреть ему в глаза.

Глава 7

С каждым шагом, с каждым ударом сердца и вдохом я четко ощущаю, как радость, будто морская вода с тела, пригретая полуденным солнцем... испаряется. Оставляет после себя соленый след, стягивающий кожу. След-напоминание, как здорово было только что, когда купалась. Плавала в знакомой среде.

Воображаемое солнце так сильно жжет, что не ласкает, а ранит чувством вины. Я потираю предплечья и, к полному своему ужасу, осознаю, что не хочу идти в номер к мужу. Эта мысль так сильно шокирует, что даже шаг замедляю, а потом и вовсе останавливаюсь.

Я только-только вышла из лифта на нужном этаже и, вместо того чтобы спешить, стою в коридоре, пялюсь в стену, пораженная происходящим.

Наверное, я все еще обижена на Марка. А может, дико не хочу врать насчет того, что случилось. В общем-то врать особо и не о чем — мы поужинали и поболтали. Напоследок Баженов догнал меня, чуть замешкался, из-за чего я вспыхнула ярким фонарем! Но это было смешно, да и только. Хохма!

Демьян еще раз попросил прощения. Искренне, запросто. Склонил голову набок и бросил обличительное:

— Я должен тебе обед, птенец. Договорились?

Потом мы в очередной раз свели ситуацию в шутку, он

записал мой номер и сделал звонок, чтобы я записала его.

И вот я стою с этим телефоном в коридоре, как предательница. Сжимаю трубку, сжимаю. Я скажу Марку, что Баженов друг и что эта тема раз и навсегда закрыта.

Но солнце палит все сильнее, нервы рвутся в клочья. Я ужасно не хочу ссориться, наши скандалы иссушают, я потом в себя прийти не могу, иногда даже болею. Я хочу, чтобы все было хорошо, как раньше.

Перед самой дверью я быстро удаляю контакт Баженова, стираю его номер из журнала входящих и, запаниковав окончательно, захожу.

Марк сидит за столом с ноутбуком. На меня никак не реагирует, значит, обиделся.

Вдох-выдох. Я разуваясь, мою руки, переодеваюсь в пижаму — от мужа никакой реакции. Просто ноль. Меня словно не существует ни в этой комнате, ни в его жизни.

Поначалу я намереваюсь поступить аналогично. Не хочет общаться — не будем! Это детский сад какой-то! Лягу спать, отвернусь. Утро вечера мудренее. Но пока чищу зубы, остываю и стараюсь взглянуть на ситуацию глазами Марка.

Если бы я проснулась одна среди ночи, тоже бы обиделась, наверное. И вела себя так же. Может быть.

Этот день из меня все соки выжмет. Я подхожу к Марку, обнимаю со спины — он не обращает внимания. Наклоняюсь, целую в висок — даже бровью не ведет. Смотрит какие-то графики, могу поспорить, что ни о чем не думает, ту-

по пьются в одну точку, чтобы отвлечься.

Сердце сжимается.

— Родной, — шепчу. — Я проголодалась и, чтобы тебя не будить, спустилась вниз поужинать.

— До двух часов ночи? Это что за ужин такой был?

Пuls частит. Марк злится, сильно. Боже.

— Там Баженов с Яной сидели, мы разговорились, время пролетело незаметно.

Удары в висках разгоняют здравый смысл, оставляя место лишь смущению. Ладони от волнения потеют. Марк — каменная глыба, полностью меня игнорирует. Я обнимаю его крепче:

— Прости. Мне хотелось немного развлечься. Ты ведь знаешь, в последние месяцы я работаю с утра до ночи. Этот контракт с издательством... Он выбил воздух из легких, большая удача, но и огромная ответственность. Конкурс бешеный, меня выбрали, и я не могу запороть. Мне нужно было хоть каплю передохнуть. Ничего плохого мы не делали.

— Почему не позвала меня?

— Ты спал.

— Ты захотела развлечься именно в тот момент, когда я лег спать? Другого времени не было?

Марк резко встает и подходит к окну, мое сердце рвется по миллиметрам при каждом ударе. Я стою у стола и понятия не имею, куда деть глаза и руки.

— Давай поговорим.

— Ты сказала, что хочешь побыть со мной, я бросил дела, приехал. А ты что? Сбежала. Вернулась пьяная, от тебя дымом несет за километр. Если бы я не проснулся, ты бы там до утра сидела? Ты мне мстишь таким образом? За что, Кристина?

— Да нет же! Они друзья. Мы просто болтали.

Думаю о том, что Марк может каким-то образом узнать о том, что я видела в номере 602, тогда скандал точно получится сверхмасштабным.

Он сцепляет пальцы, смотрит вдаль. Я же поднимаю ладони и начинаю... оправдываться. Горячо, с жаром. Ощущая себя при этом лгуньей, так как в чем-то Марк прав: я не всю правду ему рассказываю. Скачу по верхам, он, верно, это чувствует и поэтому так ведет себя.

Мы снова ссоримся, в какой-то момент выливаем друг на друга упреки. Я терпеть не могу себя такой — обиженной истеричкой. Когда Марк устало плюхается на кровать и закрывает лицо руками, мое сердце останавливается, а затем пускается вскачь.

— Давай я уйду, — произносит он. — Спрошу, есть ли свободные номера.

Уйдет? Сейчас? Мы словно зависаем на краю, готовые в любой момент рухнуть в пропасть. И я испуганно даю заднюю.

— С ума сошел? Куда ты собрался ночью? Блин, Марк... — я Сажусь рядом, сжимаю его крепкое плечо, стараюсь

поймать взгляд.

Молчим, стараясь отдышаться. Ума не приложу, как в фильмах люди ругаются, а потом прямо в процессе начинают заниматься любовью. Когда мы ссоримся — я чувствую, что человек рядом из близкого превращается в совершенно чужого, мой мир наполняется одиночеством и болью. Горю во всем этом кошмаре и не представляю, как переключиться. Я готова на все, лишь бы прекратить происходящее.

Зарываюсь пальцами в тронутые сединой волосы Марка, смотрю на покрытые густой щетиной скулы. Я... знаю, что мы помиримся, иначе быть не может, мы муж и жена, и пять лет — это большой срок. Но при этом также знаю, что ругаться он может сколько угодно долго. Днями молчать вот так, игнорируя, наказывая.

А потом он произносит:

— У меня проблемы на работе. — И снова сжимает губы.

Марк часто делится тем, что происходит в делах — и смешными моментами, и проблемами. Но вот таким тоном говорит будто впервые. У него действительно проблемы, и, видимо, серьезные. Где-то рядом взрывается стыд, и меня сносит взрывной волной. Вместо того чтобы побыть с мужем, я убежала развлекаться.

— Что-то серьезное?

— Увы. Честно говоря, я не сплю уже две недели. Думал, ты заметила и специально добиваешь.

— Что? Не-ет! Ты с ума сошел? Я... да я бы никогда! Марк! Прости, если тебе так показалось. Я и правда зациклилась на себе, но специально я бы не стала.

Обнимаю его, целую много раз в щеки, и Марк наконец оттаивает. Обнимает меня в ответ, прижимает к себе. Я действительно ничего не заметила.

— Знаешь, что самое страшное? Я до панических атак боюсь потерять тебя, Кристина. Ты — все, что у меня есть. Самое важное. Мои дети и ты.

— И я тебя люблю. Ты не потеряешь.

— Я в этом не уверен.

Мы говорим долго. Обсуждаем его страхи перед грядущим увольнением. Вернее, переводом на другую, менее приятную должность. Марк паникует, так как в той, новой области никогда не работал, и поэтому места себе не находит. Я стараюсь подбодрить, нахожу тысячу поводов не отчаиваться. Мы вновь крепко обнимаемся, я незаметно реву от волнения и эмоций.

Боже, хороший мой, в себе всё носит, а я и знать не знала. Ну кто так делает? У всех есть пределы.

Снова прошу прощения, и мы, наконец, миримся. Я уговариваю его беречь здоровье и не переживать так уж сильно:

— У меня ведь есть работа, Марк. В крайнем случае ты можешь уволиться.

— И сесть тебе на шею? — смеется он, ероша мои волосы. Расплываюсь в улыбке, уклоняясь от его рук:

— Думаю, какое-то время точно протянем, я как раз получила отличный аванс. Возьму еще подработку. Да ладно тебе, прорвемся. Марк, мои иллюстрации будут в книжках, которые продаются по всему миру. По всему, — повторяю и развожу руками, как бы показывая, насколько огромен мир. — Прокормимся. Главное, держаться вместе. Мы же семья. Я тебя люблю.

Он качает головой, гася смешок.

— Ты как солнышко в моей жизни. С тобой я молодею.

Это наша кодовая фраза. Когда Марк нуждается в ласке, произносит, что молодеет со мной. Я тут же выпаливаю привычное:

— Ты не старый, куда еще молодеть?

— Ночами тусоваться по барам сил нет, прошу прощения.

— У меня тоже нет. Это так, разовая акция. Прорвемся.

Во мне столько уверенности и тепла, что хочется укутать мужа, защитить, позаботиться. Раньше в этом надобности не было, но сейчас от мысли быть полезной — внутри все расцветает.

— Лучик мой, — умиляется Марк. Целует в лоб. — Давай спать, у меня закончились силы ругаться.

— Давай, я ужасно устала. Длинный, бесконечный, изматывающий день. И Марк! — окликаю, когда он встает и направляется в сторону ванной. — Мы семья. И мы справимся. Ты понял? Если на тебя будут давить — увольняйся. Seriously.

— Кристинка, — качает он головой, — моя смелая девочка. Знать бы еще, что у тебя работа сохранится после моего увольнения.

Марк идет в ванную, а я на миг задумываюсь.

— В смысле сохранится? А что с ней не так?

Он как-то странно улыбается, опять качает головой и закрывает за собой дверь.

Вся былая бравада успешного иллюстратора и сильной женщины слетает, как шелуха, и мне снова холодно. Поджимаю колени, обхватываю их покрепче.

И так и эдак кручу в голове сказанное Марком. Он никогда не бросает слов на ветер, а я никогда не была душой. С каждой секундой становится страшнее.

Я рисую, сколько себя помню, с самого раннего детства. Отец обожал мои картины, но при этом был категорически против, чтобы я выбрала себе творческую профессию. Его сестра-художница стала наркоманкой. Наверное, мне передан ее талант, но не характер. Тем не менее отец так сильно за меня боялся, что сделал все для того, чтобы я выбрала другую профессию. Мне нравилось его впечатлять, но и мечту в глубине души я сохранила. И как только пустила ее в свою жизнь, лишь только стала посвящать ей свое время — увидела успех.

В социальной сети «Иллюстратор» на меня стали подписываться коллеги, одаривать комплиментами. Это было... боже, едва я начинаю об этом думать, как кожа покрывается

мурашками. Я была абсолютно счастлива, и Марк меня в этом поддерживал.

Что означает его загадочный взгляд? Почему моя работа не сохранится, если его уволят? Он ведь... не мог купить мне это место?

Я подготовила и прислала издательству огромное портфолио, делала задания. Выложились как никогда, потому что безумно хотела эту работу. А потом, когда я ее получила, Марк купил ящик шампанского. Мы его, конечно, до сих пор не допили, но это было так празднично и здорово!

Муж был моей опорой, моим вдохновением, я могла заявить с уверенностью, что без него бы ничего не добилась, но в глубине души слукавила бы. Я гордилась собой и обожала ту девушку, которой стала рядом с Марком.

А теперь получается, что он... купил мне рабочее место?

В груди бахает гулко, глаза жжет, словно туда песка насыпали. Это не слезы, это пепел, тот самый, которым меня засыпало еще в начале вечера. Качели такие сильные, что на затылок давит.

Осознание сперва накрапывает дождиком, затем проливается ливнем.

Я, наверное, такой смешной выглядела, когда обещала Марку помочь, заверяла, что поддержу при необходимости материально. А он слушал и знал, что без него я... никто. Пустое место. Потому что даже работу он мне купил.

Мы вообще хотя бы вырвались в плюс в этой сделке?

Когда Марк выходит, мне так дурно, что сил нет ни на что. Сажусь и сжимаюсь в комочек. Муж обнимает, я вцепляюсь в его шею и зажимаюсь, умоляя о поддержке. Догадка — убил молнией, размазала, испекла. Я думаю о том, что, возможно, об этом все знают. И Светлана, и Малика. Догадываются мои коллеги, с которыми я так здорово общаюсь в последнее время. Знают и обсуждают за спиной. Что мою работу мне купили.

Купили.

— Ну тише-тише, Кристин, — шепчет Марк. — Ты моя девочка, мой лучик. Ты чего?

— Не надо было так делать, — шепчу я. — Пожалуйста, никогда больше так не делай. Я себя ужасно чувствую сейчас.

— Они все дебилы, Кристин. Мне виднее, кто самая талантливая и лучшая девочка. Ты меня любишь? Уважаешь? Ну и вот, мне виднее.

Дрожу.

— Для меня ты самая-самая. Особенная. Несравненная. Они ничего не понимают, и я сделал то, что было нужно. Чтобы ты оказалась на своем месте. К тому же я тебе был должен за разрыв контракта с тем писателем-извращенцем, который мечтал залезть тебе под юбку.

Киваю. И снова дрожу. Трясет некоторое время, я не в силах успокоиться. Чувствую вину, растерянность, благодарность и одновременно злость на Марка. Такой странный кок-

тейль чувств. Имею ли я право злиться? Он большой человек, его жена обязана быть успешной. Хотя бы с виду. Он всегда поступает рационально.

Я засыпаю в слезах на его груди, а утром, когда присаживаюсь на подушке и первым делом тянусь к телефону, вижу, что экран горит, хотя сообщений нет. Марк только-только ушел в душ. Он смотрел мой телефон? Листал сообщения?

В нашей семье нет друг от друга паролей, но обычно он не заглядывает. Если бы я не удалила номер Баженова, Марк бы непременно его увидел и мы бы снова поругались.

А после вчерашнего открытия у меня, честно говоря, совсем нет сил противостоять и что-то доказывать.

Глава 8

— Ты ничего не ешь, а я потратился. — Баженов произносит это с легкой улыбкой.

Интонация — упрек, но смысл фразы забавит изрядно. Нам еще не приносили счет, и вряд ли создателя успешной айти-компании так сильно волнуют деньги. Обычно, когда это так, мужчины, напротив, из кожи вон лезут, чтобы произвести впечатление состоятельного и щедрого. Либо злятся, с трудом скрывая эмоции.

Этот же спецом делает вид, что удавится за салатик.

Улыбаюсь и показываю ему язык.

Мы списались буквально час назад, решили пересечься в обеденный перерыв. К счастью, у Демьяна фотография на аватарке в мессенджере, иначе я бы и не поняла, кто пишет, ведь удалила номер.

«Привет! Пошли куда-нибудь пожрем, я у твоего издательства».

Следом упало:

«Пожалуйста. Это слово я использую редко, и твоя мама учила, что оно волшебное».

«У моего издательства? Преследуешь, что ли?»

«Блин, да, круглосуточно».

«Ну, пошли тогда...»

— Мы разделим счет, — бросаю я с вызовом, впрочем, вилку с ножом беру.

— Еще чего, — грубит Демьян.

Включившись в игру, закатываю глаза так усердно, что замечаю люстру под потолком — необычная. Зависаю на пару секунд, гадая, где ее раньше видела. Баженов прослеживает мой взгляд, нарочито медленно повернувшись. Не понимает, почему я так заинтересовалась репликой одной известной фирмы, — а это она, никаких сомнений, слизано, причем нагло, — и возвращается к своему блюду.

— Если не жуешь, Крис, рассказывай про дела. Хвастайся. Люстра... эм, в блесках, но, честно, не ожидал, что тебя так легко поразить. Приезжай в Питер, я тебе тако-ое покажу! Во дворце Юсуповых описать можно.

Прыскаю и качаю головой. Вот гад!

Демьян не смотрит, как я его передразниваю, уплетает пасту с морепродуктами, и мне ничего не остается, кроме как вновь улыбнуться. Я по нему скучала. Блин. От самой себя не ожидала, но факт есть факт. Вторая встреча за два месяца, а у меня восторга столько, что впору захлебнуться.

Красивый он стал. Серьезный очень. Шутки, правда, на прежнем уровне, но я и сама под настроение в долгу не осталась.

Встретились мы запросто, крепко обнялись, сели обедать, словно каждый божий день именно так и делаем. Пока шла из издательства, я успела поволноваться, но было совершен-

но не о чем — снова никакой неловкости. Дело тут в Демьяне, наверное, — настолько естественно и комфортно он себя ведет. Жизнь научила относиться к людям настороженно и не доверять всем подряд, но Демьян... он никогда меня не предавал.

А еще он так аппетитно лопаёт макароны, что я невольно присоединяюсь. Зачерпываю вилкой салат.

— Вообще-то я тоже голодна. Сам хвастайся.

— Окей, поедим и будем себя презентовать.

За пару месяцев со дня встречи в Адлере неловкость сгладилась. Всё снова хорошо. И я без зазрения совести Баженова рассматриваю.

— Что? — спрашивает он в какой-то момент. — Ты на меня пялишься, Кристина.

— Я? Ну окей, пялюсь, ты прав. Ты изменился, мне интересно, каким стал. Что?! Ну правда изменился. Потерпи немного.

— Повзрослел? — спрашивает он серьезно, но при этом будто между делом.

На миг наши глаза встречаются, его — светлые, почти прозрачные — не выражают ничего, хотя я знаю, что это не так. Демьян не робот, как может показаться со стороны и как считает моя мама.

Отмечаю легкую щетину на лице, судя по всему, утром он брился, но идеальной гладкости уже нет. В те времена, когда мы катались на велосипедах по деревне, где у наших роди-

телей были дачи, такого не было. Скулы сейчас выражены четче, образовался залом между бровями. Да и само лицо поменялось, лишь родинка на правой щеке та же самая. Как знак, что и человек прежний.

Демьян одет безукоризненно: в белую рубашку, брюки, туфли. Хотя раньше этого хакера я видела в основном в спортивном.

— Да. Мне даже немного неловко рядом с тобой.

— Почему? — Он мажет взглядом. Не стебется, спрашивает.

Пожимаю плечами, продолжая есть.

— Не могу понять, каким ты стал. Как прежде общаться что-то не получается, как по-новому — не могу нащупать.

Поясню, в чем причина возникшего диссонанса. Сама я не особенно изменилась за последние десять лет. Волосы стригу чуть короче, одеваюсь строже да крашусь менее ярко. В остальном — та же самая Кристина. Как Пикачу из запрещенного аниме — упорно отказываюсь эволюционировать. Этот же покемон в трансформациях себе не отказывал. Передо мной взрослый успешный мужик, его лучшая версия.

Демьян усмехается, вновь стреляет глазами, вытирает губы салфеткой.

— И что думаешь обо мне? Рассказывай, не стесняйся. Мне интересно послушать. Ты ведь художница, у тебя есть свой взгляд. Жги.

Я как раз доедаю салат и откидываюсь на спинку удобного

диванчика, демонстративно пляжусь. Демьян разводит руками, дескать, вот я, перед тобой.

— Серьезно? Все, что думаю?

— А что ты теряешь? Максимум, это будет наш первый и последний обед.

— Окей. Ты, Демьян Андреевич, почему-то считаешь, что недостаточно успешен.

— Вот как?

— Хотя у тебя своя компания с таким сложным и длинным названием, что его стали сокращать. Впрочем, это проблема многих мужчин твоего возраста, так что не могу сказать, что ты в этом уникален. Аппетит вырос, а карьера не поспевает. Тебе этого всего явно мало, и потому ты по большей части погружен в себя. Ты определенно очень хорош собой, даже слишком, и на одной генетике тут не уехать, хотя с ней тебе тоже повезло. Значит, много времени проводишь в спортзале. Много работаешь, много тренируешься, вероятно, придерживаешься какого-никакого режима, при всем этом у тебя красивая девушка и постоянные отношения. Я бы еще впихнула в твой плотный график прокрастинацию, хотя допускаю, что ты можешь ей и не страдать. Значит, у тебя либо есть маховик времени, либо нет... друзей. Не поэтому ли ты настаивал на встрече и использовал волшебные слова?

Фух! Аж запыхалась.

— Нет друзей в Москве, — поправляет он.

— В остальном угадала?

Демьян пожимает плечами:

— Вполне. Так вышло, что друзья по всему свету, и меня тошнит уже от онлайн-общения, хочется вживую. Кофе с кем-то попить. Никому не говори, но я никогда не был интровертом. — Понижает голос и добавляет: — Одиночество сдирает с меня кожу.

Эти слова так ярко отзываются внутри, что под действием момента я протягиваю ему руку и горячо заверяю:

— Помню. И всегда готова поддержать твой порыв.

Баженов охотно отвечает на рукопожатие. У него теплые, крепкие пальцы, и когда они сжимают мои, я отчего-то вспоминаю, как он шпилил свою подружку, и поспешно забираю ладонь.

— Буду обращаться, — выдает он с деланой благодарностью.

— Только при одном условии, Демьян. Вернее, при двух, — тараторю, прогоняя вьетнамские флешбэки.

— Валяй, птенец.

— Во-первых, счет делим пополам. Или хотя бы по очереди платим.

— Не-не.

— Да.

— Слышала? — Демьян поднимает вверх палец, как бы требуя тишины. — Это мое эго сейчас взвыло, до сих пор воздух звенит. Такого не было, даже когда я зарабатывал,

подстригая соседские газоны.

— Твое эго еще не слышало второй пункт.

— Если за меня будет платить Ёсина, отец от меня окончательно откажется. Ты этого добиваешься?

— Росс, — поправляю я фамилию.

— Точно. Ты теперь Росс.

Баженов упирается локтями в стол и смотрит в глаза, специально гипнотизируя, но со мной это не работает, я в его глаза всю свою жизнь смотрела. Смело выдерживаю атаку и включаюсь сама:

— Ты больше не носишь цветные линзы?

У Демьяна неважное зрение, и раньше, в школе, ему часто покупали именно цветные линзы. С карими радужками Баженов уже тогда ловил комплименты девушек. С голубыми — завораживал. К последним я так и не смогла привыкнуть, они меня пугали.

— Ношу иногда, под настроение, — делится он.

Я собираюсь вернуться к нашему увлекательному спору ни о чем, но именно в этот момент, так некстати, на мой телефон падает уведомление. Бросаю взгляд на сумку, но отворачиваюсь.

— Ответь, всё в порядке, — произносит Демьян.

Откладывает столовые приборы и придвигает к себе кофе в стаканчике навынос. Баженов предпочитает горячий, поэтому обычно просит стаканы с крышкой. Хотя что-то за последние годы не поменялось.

Мешкаю секунду: не очень хочется доставать мобильный, потому что, если это Марк спрашивает, что делаю, придется солгать. Я объясню ему смысл этого обеда вечером, точно не по телефону.

Вновь ощущаю вину. Я как будто играю две роли — сейчас и дома. Две разные Кристины, которые не пересекаются. Здесь — я дерзко шучу и острою, дома — мягкая и гибкая. И обе роли мне близки, и в первом, и во втором случае это искренняя я.

Смотрю на экран — не Марк. Впрочем, радости не испытываю, пробегаю глазами уведомление. Закусываю губу. Опять. Боже.

Утром я опубликовала новую иллюстрацию, над которой работала последнюю неделю. Это дипломная работа на новых курсах, которые я прошла. Работа, за которую мне поставили высший балл, а также в день защиты ее моментально выкупила компания для рекламного стенда.

Сейчас же под иллюстрацией появился отвратительный отзыв. Я еще раз пробегаю его глазами, вижу лайки под ним, а потом словно... теряю себя.

Снимаю блокировку экрана, открываю приложение и впиваюсь глазами в индикатор загрузки. Он, как назло, крутится, крутится, никак не заполняясь.

Такие хлесткие слова. Такие, кажется, правдивые. Я бездарность. Полная и абсолютная. И весь мой успех куплен, как и эта работа в издательстве.

— Прости, Демьян, я сейчас. Минуту. Долго грузится «Иллюстратор».

— Крис. Крис? Эй, ты дрожишь. Здесь должна быть точка доступа. — Он вертит в руках меню, ищет пароль к вайфаю. — Я могу раздать с телефона. На крайняк в квартале отсюда коворкинг.

— Вроде ловит связь, но медленная. Надо кое-что срочно сделать.

Ну же, давай. Я нервничаю, да так сильно, словно случилось что-то страшное. Это ощущение усиливается по нарастающей, как будто взлетаю на качелях, вот только предела у них нет. Все выше и выше.

Ошеломительная растерянность и неуверенность в себе едят поездом. Каждый имеет право на мнение, и к подобным комментариям я всегда относилась с благодарностью, но после того, как у знала о поддержке Марка, не могу с собой справиться. Любая критика ранит. Одно желание — снести и спрятаться. И больше никогда не открывать редактор.

Пальцы летают по экрану.

— Да где же она... где? Слушай, ты же хакер. Не знаешь, где могли спрятать кнопку «удалить»? Ни разу не удаляла работы из портфолио.

Я показываю экран телефона. Демьян поднимается, обходит вокруг стола и деловито усаживается рядом. Берет мобильный из рук.

Глава 9

Демьян

Тремя часами ранее

— Вы будете один? — спрашивает молоденькая блондинка.

На бейджике надпись: Катерина.

— Да.

— На сколько бронируем?

— Минуту. — Подхожу к прозрачной двери, заглядываю в зал.

В это время данный филиал коворкинга, с незамысловатым названием Co-working, полупустой, и я быстро нахожу глазами нужного человека.

— Часа, думаю, хватит.

— У нас минималка три.

Катерина пытается смотреть в глаза, но то и дело осекается, розовеет. Глаза у меня необычного цвета, так уж вышло, я их не выбирал. Очень светлые, будто пустые. Они вызывают любопытство, которого воспитанные люди стесняются.

— Без проблем, меня устроит. — Расплачиваюсь.

Девушка начинает подробно объяснять, где взять чай, кофе и снеки, но я тут же останавливаю ее и убеждаю не напрягаться:

— Вашу сеть я знаю прекрасно, в Питере часто к вам за-

хожу. Здесь же стандартное расположение?

— Да, конечно. О, так приятно! Надеюсь, наш московский филиал вам тоже понравится.

— Не сомневаюсь. У вас зерновой кофе, свежие булочки, идеальная чистота и, самое главное, оптоволокно на гигабайт. Десять филиалов в Питере, пятнадцать в Москве, еще три в Екатеринбурге, там я тоже недавно отметился. И все на уровне. Потрясающе.

— Если не трудно, оставьте отзыв. И упомяните меня, пожалуйста. Проходите и будьте как дома.

— Благодарю. — Одариваю Катерину улыбкой и захожу в зал.

Первым делом варю кофе, потом цежу его мелкими глотками. Горячий — отлично. Я присаживаюсь за стол, раскрываю ноут и делаю вид, что работаю.

Сам на время поглядываю. От объекта отделяет прозрачное стекло, и прекрасно видно, чем он занят. Болтает с кем-то очень интересным, аж покраснел весь, то и дело хохочет. На вид — добрый мужик за пятьдесят, пусть не в лучшей форме, как мог бы, но и не все потеряно.

Я тоже улыбаюсь — приятно видеть людей в хорошем расположении духа, даже жаль портить. Даю ему еще минуту.

Что ж. Пора.

Убираю ноут в сумку, беру стакан, папку со стола — чуть не забыл — и захожу в стеклянный кабинет. Плотно закрываю дверь. Здесь нет прослушки и говорить можно спокойно.

— Добрый день, Павел Игоревич. Прошу прощения, что отвлекаю от важной беседы, но время у меня не резиновое.

— Сам стул беру, присаживаюсь напротив.

Карасёв недоумевает, что происходит и почему я веду себя настолько нагло. Взглядом оценивает мой внешний вид, прикидывает стоимость тряпок и наконец, извинившись перед собеседником, сбрасывает звонок.

— Это я прошу прощения... — Он склоняет голову набок.

— Чем могу?

— Меня зовут Баженов Демьян Андреевич, я гендиректор Neo security technology, в народе NST. Ваш племянник, Богдан Карасёв, мой соучредитель, а еще он прекрасный разработчик.

— Понял, всё. Рад личному знакомству, Демьян Андреевич. — Карасёв тянет ладонь, и я отвечаю на рукопожатие.

— Примерно представляю, зачем вы прибыли из Северной столицы, но боюсь, зря потратили время. Мы не будем нанимать NST. — Поясняет мне, как надоедливому, умственно отсталому коммивояжеру: — Это совершенно исключено, хотя мне и жаль, о вашей компании отзываются хорошо. Вы верно заметили, Богдан — мой племянник, и родственные связи тут играют принципиально отрицательную роль.

— Богдан вас очень уважает, даже взял вашу фамилию. Вы помогли его матери, когда их бросил отец, и продолжаете помогать. Богдан мечтает поработать с вами. Прожужжал мне все уши, — улыбаюсь. — Ваша сеть коворкинга сейчас

одна из лучших в стране.

Карасёв вроде бы и польщен, но при этом хмурится, отстраняется. Это все мои глаза. Если нужно произвести приятное впечатление, то я надеваю цветные линзы и стараюсь чаще моргать. Карий цвет — теплый, он располагает к общению. Мои же светло-зеленые радужки при знакомстве эффект производят отрицательный, и ё Павел Игоревич сейчас борется с неприятием.

— Спасибо за такую высокую оценку. Я был бы рад сотрудничеству, но это, увы, невозможно. — Он делает паузу, дескать, вали уже.

— Знаю. Более того, ваша принципиальная позиция меня приятно поразила. Богдан пообещал вам скидку в восемьдесят процентов, он был согласен работать чуть ли не в минус, лишь бы произвести на вас впечатление. А вы отклонили капец какое щедрое предложение. Вау.

— Да, отклонил. Не без боли в сердце, но пришлось. Я знаю, что многие посчитали этот поступок странным.

— И я в том числе. Когда это случилось, я задумался: почему настолько категорично? Принципиальные люди впечатляют, но к чему упираться конкретно в этом вопросе, я так и не понял. Вы меня заинтересовали. Страшно. И я на всякий случай, просто ради развлечения, пробил вас.

Карасёв придвигается ближе:

— В смысле пробили? Это как? Говорите нормально, по-русски.

— Взломал. У вас хуевая система безопасности, если по-русски. Последние две недели я перехватываю весь ваш трафик. Поначалу все было так хорошо, что я... клянусь, аплодировал. Вы даже лично купили подарок младшей дочери, а не поручили это дело секретарше. Но потом я наткнулся на ваш тайный сайт. К сожалению. И моему, и вашему.

Карасёв мрачнеет.

Тут же поясняю:

— Тот самый, о котором не знает ваша жена, дочка ректора известного университета. Вы верно сделали, что не стали с нами сотрудничать даже со скидкой в восемьдесят процентов: я тоже человек принципиальный и сдал бы вас сразу же. Так что можете себя не корить, вы сделали все правильно в плане защиты.

— Какой сайт? Ничего не понимаю. У меня мало времени, Демьян... как вас там, простите, но покиньте мой кабинет немедленно.

— Нет. — Я смотрю ему в глаза. Вернее, пытаюсь.

Глазки Карасёва бегают так быстро, что фиг поймашь их. Бросаю взгляд на часы и придвигаю ему папку:

— Здесь всё. О вас и вашем сайте. Все переписки, денежные переводы, контакты. И кстати, вы обманули Богдана, работаете вы с родственниками, и еще как. Родной брат из ментуры вас покрывает. И этот сайт был его идеей.

Карасёв хватается папку, вскакивает.

Я приговариваю:

— Сядьте. Камеры нас снимают, вы же сами знаете, с каких ракурсов.

Он медленно опускается на стул. Открывает папку, бегло просматривает первые две страницы, дергается. Яростно захлопывает ее и начинает осыпать меня проклятиями.

— Чего вы хотите? Шантажировать меня? Сколько? Ну?

За окном, как по щелчку пальцев, включается сирена. Во-время. Машины пока далеко, но летят к нам, счет идет на минуты. Глаза Карасёва расширяются в ужасе.

Я продолжаю говорить максимально медленно и спокойно:

— Если вы закончили с оскорблениями моей матери, то продолжим. Мне безумно нравится ваша сеть коворкинга, меня вообще восхищает, когда люди делают свою работу качественно. Но мне категорически не нравится порно с несовершеннолетними, а нескольким актрисам значительно меньше восемнадцати. Это не то что не скрывается, это подчеркивается. На главной странице. Этим вы и завлекаете, Павел Игоревич.

— Блядь! Сукин сын! Это просто порнуха! — агрессивно шипит он. — Кто безгрешен? Вы же взрослый мужик, должны понять, зачем это делается. Мужикам иногда надо отпустить демонов... Никому от этого вреда нет, девочки получают зарплату.

— Они ровесницы вашей средней дочери. С ней видео я не нашел.

Он ударяет кулаком по столу и рывкает:

— Убью на хер!

— Вот именно. Ваши дочки еще нецелованные, наверное.

Вы тщательно следите, чтобы охрана не подпускала к ним оборотов. И я вас в этом поддерживаю: всему должно быть свое время.

Сирены становятся громче. Карасёва трясет, вся жизнь, очевидно, у него перед глазами проносится. Как жена и дети узнают. Все узнают.

Это пиздец, если начистоту. Я бы на его месте повесился.

— Демьян, вы же мужик, да вашу мать! Бывает, иногда тянет на что-то эдакое. Запретное. Виноват, но... есть спрос! Неужели вы святой?!

— Вы правы, я далеко не святой и базовый секс меня тоже давно не вставляет. Что печально, потому что мешает моей личной жизни. Меня тоже будоражит что-то неформатное, и отчасти я могу понять вас и вашу аудиторию. Но лишь отчасти. — Развожу руками: — Я не фантазирую о школьницах.

Беру телефон, задаю ряд команд. Сирены звучат еще громче. Они уже под окном.

— Я также нашел у вас ряд моментов нехороших. Вы сливаете персональные данные клиентов. Косяк. Эх, поступим с вами следующим образом. Прошлой ночью были неполадки с вашим тайным сайтом, вы, должно быть, заметили, но, наверное, списали на грозу. В действительности это мои ребята ваши сервера физически вывезли со склада. Кстати, склад

оформлен на вашу жену — это было прямо тупо. Я так понял, вы совсем охерели от вседозволенности, да?

Карасёв вытирает ладонью лоб, с которого пот катится градом.

— Это вы вызвали полицию? — не то воет, не то рычит.
— Вы же взломали меня, вы... это противозаконно. Вас посадят!

— Я? Разве? Уже полгода я работаю в вашей сети коворкинга и сегодня приехал ровно с той же целью. Понятия не имею, кто сделал анонимный донос в полицию.

— Что. Вы. Предлагаете?! — орет он.

— Серваки я вырубил и вывез. Пока что. Форматну я их или нет, зависит только от вас. Полиция сейчас найдет у вас дыры в безопасности и прилично оштрафует. После этого вы обратитесь в NST и вашу защиту мы возьмем на себя, как и контроль за вами и вашим дальнейшим поведением. Пожизненно. Но уже без скидки. Кроме того, вы сдадите всех своих подельников, которые принимали участие в вербовке и съемке, и закроете бизнес. Вы вылечили и вырастили Богдана, помогли его матери и сделали ряд очень хороших дел. Понятия не имею, с какого, блядь, хера вас на старости лет занесло в порнуху, но спишем это на кризис среднего возраста. Я даю вам шанс исправиться.

Поднимаюсь с кресла. Карасёв начинает носиться по кабинету, полиция уже в холле. Он мокрый весь, в ужасе. Я иду к выходу, он подбегает и вручает мне папку с компрома-

том. Я принимаю ее, киваю ему и покидаю кабинет. Именно в этот момент в зал врывается ОМОН.

Слив персональных данных — серьезное преступление, и оно требует серьезных мер: вяжут Карасёва красиво. Но из-за того, что наше законодательство пока на эту ногу изрядно хромает, мужик выкрутится. Заплатит штраф, но выкрутится.

И надеюсь, последует моему совету. У него жена, три дочери, сестра, племянник, который его боготворит. Было бы обидно это все потерять.

У меня проверяют документы, задают ряд вопросов, после чего, сжав папку, я покидаю зал. Катерина с ресепшена смотрит в панике, извиняется, клянется, что не понимает причину происходящего. Она и правда не понимает: эти люди работают в хорошем месте за белую зарплату.

— Всё в порядке, я поставлю вам пять звездочек, — стараюсь подбодрить ее напоследок, вот только она не радуется.

Крайне жаль, когда за красивыми вещами стоит зло. Я, увы, не умею молчать и скрывать правду. Из Лондона меня уже выперли. Надеюсь, в Питере удастся задержаться подольше.

Выхожу на улицу и тупо иду вперед, прокручивая в голове разговор.

В какой-то момент смотрю на часы — жрать хочется. Эйфория щекочет, требует с кем-то разделить эмоции. Пусть просто поболтать! Гребаное одиночество съедает, я люблю

шум, поэтому часто предпочитаю коворкинг личному кабинету.

Время как раз обеденное. Листаю телефонную книгу, гадая, кого можно пригласить вот так внезапно: еще позавчера я не планировал поездку в Москву, потом закрутилось. Осеняет — Кристина Осина ведь где-то здесь, поблизости работает. Моя Кристина, мой собственный птенец. Было чертовски приятно ее увидеть.

Резко хочется испытать то же самое ощущение дикой радости, которое поймал в Адлере.

Достаю телефон, выбираю контакт. Пишу:

«Привет! Пошли куда-нибудь пожрем, я у твоего издательства».

Прочитано. Думает. Долго. Больше двадцати секунд. Скорее всего, соображает правдоподобную причину для отказа. Это, кстати, обидно.

Кристина тоже была рада меня видеть, но при этом будто бы боится. Но ей нечего. Совершенно. Она абсолютно чистая, простая и естественная в своих порывах. Даже ненавидит искренне. За что я и люблю ее всем сердцем, по-дружески, разумеется. Она слишком славная, чтобы даже подумать о чем-то большем.

Блин, она может стесняться меня после того инцидента в отеле. Тупой был поступок — позвать ее, а потом вот так опозориться. Крис заверила, что не придет, я и забыл. Никогда себе не прощу. Эта девочка выше грязи, у нее все пра-

вильно, и это хорошо. Надо попробовать загладить вину.

Дополняю:

«Пожалуйста. Это слово я использую редко, и твоя мама учила, что оно волшебное».

Глава 10

Кристина

— Ты удаляешь свои работы после каждого негативного отзыва? Кажется, я знаю, как выжить тебя из сети интернет навсегда, — убивает Баженов сарказмом.

Но убивает не полностью, а только мою детскую часть, отвечающую за неуверенность и ошеломляющий страх опозориться и подвести любимых. Перед Демьяном плакаться несолидно. Мы часами рубились в игровую приставку, и в те годы я не сдавалась. Сейчас не собираюсь и подавно.

Беру себя в руки и поясняю ему спокойно:

— Отзыв этот иначе не удалить, а он правдивый. Я думаю. Смотри, лайки растут. Ка-пец. Пока у меня было десять подписчиков, всем все нравилось, теперь же критика сыплется на каждый шаг. Этот пользователь с ником Ant живет убийствами. Причем других иллюстраторов он хвалит.

Баженов пробегает взглядом по отзыву, на лице отражается почему-то легкий азарт. Я считываю его по чуть сжатым губам, глазам внимательным. Демьян слишком близко сидит, чтобы не прочесть его эмоции, которые почти осязаемы. Ему стало интересно.

— Ant, хейтер-муравей, — тянет он. Заходит в профиль, просматривает активность. — Стелет как по заказу. Глянем, кто это в реале?

— В смысле глянем?

— Проследим цифровой след. Что ты глаза вытаращила, птенец? У всех есть цифровой след, и надо быть дураком, чтобы его игнорировать.

— Ты так говоришь, будто это легко. И, — добавляю, понизив голос, — законно.

Баженов голос не понижает и слежки явно не опасается.

— Законно. Мы ведь не будем муравья этого травить или, не дай бог, шантажировать, — говорит таким тоном, будто мы, не дай бог, только этим в своей жизни и занимаемся. — Просто поглядим. Пользователи сами выкладывают свои данные на обозрение, смотреть на них не воспрещается.

— А как же анонимность? Сайт ее так-то гарантирует.

Баженов не удерживается от улыбки:

— Отправляя что-то в интернет, ты делаешь это для всех и навсегда. У каждого сейчас есть ай-пи и сим-карта.

— И право на личную жизнь. Нет?

— Приватности, к сожалению, не существует. Личную жизнь сложно защищать. Увы, практически невозможно.

— Но ведь ты за это деньги получаешь.

— Да не напрягайся ты так сильно. Такое понятие, как личная жизнь, появилось, наверное, в прошлом веке. А до этого... Возьми, например, деревни, коммунальные квартиры, где все всё про всех знали. Да даже дворцы строились по такому принципу: чтобы добраться до нужного зала, приходилось пройти через десяток других и за всеми встречами

ми тихонько подсмотреть. Людям скучно заниматься только своей жизнью. Крестьяне всегда знали, с кем и как спит знать. Ничего с того времени особо и не изменилось.

— С кем же спит муравей?

— Интересно?

— Нет! Мы больше не в деревне. И точно не во дворце. Мы в двадцать первом веке.

— Интернет — это самая большая деревня из когда-либо существовавших. И люди в ней жаждут внимания. Твой хейтер-муравей точно хочет, за последний месяц он настроил тебе и твоим коллегам десятков рецензий, потратил кучу времени. Я вечером гляну, кто это и что.

Я понимаю, что совершенно не готова к такому повороту! Хватаю Баженова за плечо и сжимаю:

— Не надо. Это ужасно. Никогда так не делай. Пожалуйста — волшебное слово.

Он не вырывается, молча смотрит на мои пальцы, и я отпускаю.

— Извини. Я на эмоциях.

Небольшая заминка — и неуют врывается в зал. Между друзьями детства пролегает пропасть. Я внутренне ожидаю ссору, прекращение ужина, резкие слова. Демьян поднимает глаза, я слабо улыбаюсь и отправляю ему воздушный чмок.

Он медлит еще секунду, затем прищуривается:

— Точно? Я могу.

— Точно. Я знаю, что можешь. И ради меня сделаешь.

Если попрошу.

— Да.

— Это как-то... не знаю, неправильно. Пишет и пишет, его дело. Я буду выше. И буду лучше стараться. Однажды ему понравится моя работа.

— Ты чуть не расплакалась на моих глазах.

— И ты решил охранять меня в этой большой информационной деревне? Интернет-рыцарь?

— Инженер по безопасности я, блядь, или кто?

Мы улыбаемся друг другу, и накал лопается. Баженов по-прежнему не терпит мои слезы и, завидев их, рвется совершать подвиги. У меня нет кровного старшего брата, но будто бы есть. Его девушке повезло.

Не удерживаюсь, обнимаю Демьяна, чмокаю в щеку, отстраняюсь и хватаю телефон. Так быстро, чтобы Баженов ничего не понял. Спе-ци-аль-но.

Пишу Муравью: «Спасибо за ваше мнение!» — и откладываю мобильный.

Зачем мне париться из-за какого-то критика, если вселенная наградила меня друзьями, готовыми ради меня на все? Я счастливейший человек!

Демьян пододвигает ближе кофе и делает глоток, давая понять, что возвращаться на свой диван не собирается. Оккупировал мой, и ладушки.

Ну окей. Тоже пью кофе.

Мы снова молчим. Обед подходит к завершению, как ни цеди кофе, надолго чашки не хватит. Заказать еще?

Задумываюсь. Марк научил смотреть на ситуацию с разных сторон, и мне давно не пятнадцать. Раньше я не придавала бы предложению Демьяна значение, но сейчас...

Злые слова Муравья о моей бездарности с каждой минутой теряют важность. Этот человек всего лишь облек личное мнение в текст и выложил на обозрение.

Кошусь на Баженова. В школе он запросто взламывал страницы одноклассников в социальных сетях, но никогда не делал это за деньги, по запросу. Хотя его просили и предлагали приличные суммы, ведь прочитать переписку подружки или бойфренда в те годы было самым желанным и важным. Демьян отказывался, выбирал более тяжелые и маленькие деньги: стриг газоны или разносил еду в ресторанах отелей отца. Он берег приватность. А сейчас... сейчас он, кажется, был готов сравнять муравья с землей.

Что с тобой случилось за эти десять лет?

Марк был прав: кто зарабатывает, защищая, точно знает, как ломать. Между Баженовым и преступлениями лежит только лишь... совесть?

— Меня ты так же проверяешь? — бросаю вопрос. — Часто?

— Не проверяю. Думаешь, у меня совсем нет других дел?

— Ты никогда не любил сплетни и никем особенно не интересовался.

— Чтобы меня заинтересовать, нужно постараться. Крис, я напугал тебя?

— Не знаю.

— Бояться не нужно, нужно быть в курсе. У всех есть цифровой след, проследить его можно вплоть до первого запроса в браузере. Но зачем? Все всё понимают. Мне нет смысла тебя взламывать, у тебя все на лице написано.

Киваю ему.

— Нужно уяснить, что, если ты подойдешь к кому-то на улице и набьешь морду, тебя, вероятно, найдут и накажут. В сети теперь действует тот же принцип. Ведешь себя нормально — никому нет дела. Обижаешь красивых девушек...

— Демьян делает паузу, поднимает глаза.

— Появится лучший друг, нео-рыцарь.

Он салютует и допивает кофе.

— Хорошо с тобой, но я хочу курить. — Просит знаком счет. — Ты говорила, что есть еще одно условие для дружбы. От счета пополам я отбился, давай следующий пункт.

— Вы с Яной сходите со мной на концерт?

— Куда? — Прищуривается.

— На одного современного рэпера. Как выражается мой муж: «Очередного твоего радужного». А мне хочется! Он выступает в Питере через неделю.

— Я не то чтобы люблю русский рэп.

— За последние пять лет я не была ни на одном концерте. Вообще ни на одном. Ты ведь помнишь, как я раньше люби-

ла?

— Помню. Концерт той певицы стал самыми длинными двумя часами в моей шестнадцатилетней жизни. Когда она вышла на бис, я впервые с пяти лет заплакал.

Прыскаю. Телефон Демьяна вибрирует.

— Я была счастлива, — напоминаю с улыбкой. И видя, что мой хакер-мститель мешкает, быстро добавляю: — И я заплачу за билеты!

— Это точно нет, платить буду я.

Улыбаюсь до ушей, радуясь, что поймала Баженова на старые комплексы.

— Извини, я сейчас. Я ничего не обещал пока.

Он берет телефон, отходит. В этот момент приносят счет, и я расплачиваюсь своей картой.

Глава 11

— Эта богатая сучка все время пытается меня купить.

Именно так заявил Баженов официанту, когда вернулся и увидел, что счет оплачен. Официант обалдел, я обалдела. Сам Баженов тоже, кажется, обалдел. На секунду стало тихо.

А потом я вдруг представила себя в роли эдакой властной мадам, покупающей любовников направо и налево, и так смешно стало! Как-то враз подобралась, подбородок вздернула.

— Но без толку, — вздохнула. — Никто не бережет свою невинность трепетнее, чем этот красавчик.

Ка-пец! Баженов прищурился и буквально испепелил злобным взглядом. Это он умеет, но со мной, увы, не работает. Я из огнеупорного материала. Мы с официантом как-то непроизвольно просмотрели Демьяну на ширинку, которая типа под запретом, тут же стало неловко. Владелец невинности словно это почувствовал, пожал плечами и поделился, чуть понизив голос:

— Ну не за макаронки с сыром отдаваться же, да?

Бедный парень не понял, что шутим — настолько серьезно говорили. Он растерялся и выдал:

— Девушка такая красивая. Я бы и бесплатно... с радостью...

— Стопэ, брат, — вернулся Баженов к привычному тону и

образу. — Девушка эта — моя с рождения. Слюни подбери, мы шутим.

— Вот как? — фыркнула я. — В смысле с рождения?

Демьян оставил щедрые чаевые и, приобняв за плечи, вывел меня на улицу, где мы, наконец, рассмеялись. Бегло обнялись и, словно с тоской, простились, потому что время поджимало, а у меня была запланирована встреча с писателем.

Пока шла квартал — улыбалась без остановки. Глупость невероятная, какую чушь мы несли, но при этом весело было. Без страха показаться хуже, чем есть.

Мнение других людей для меня, безусловно, имеет значение. И это нормально. Я живу в социуме, и мне нравится нравиться, как и любому другому человеку. Но здесь важно чувствовать грань: нормально ждать похвалы, ненормально — от нее зависеть. Вот такие тусовки с друзьями, действительно близкими людьми, с которыми можно пошутить, перед которыми необязательно держать марку, помогают нащупывать под ногами фундамент. И крепко на нем стоять.

Когда ты любишь и любим, обрастаешь стальной броней, которую не пробить гневными отзывами чужих!

В общем, влетаю я в кабинет в отличном настроении, несколько не переживая о Муравье. Мне просто весело, и я страшно хочу работать.

— Кому кофе, булочки? — кричу радостно.

Нас здесь пятеро иллюстраторов, все мы работаем в из-

дательстве не каждый день, но у каждой есть стол, где при необходимости можно разместиться. Я могу спокойно трудиться дома, но за последние пять лет настолько одичала, что вцепилась в возможность находиться среди людей зубами.

Девчонки только меня и ждут. Подпрыгивают с мест и бегут разбирать то, что я купила по пути.

— Ванильный латте, карамельный раф, капучино на миндальном молоке... — перечисляю я, раздавая напитки. Роняю между делом: — Моя Николаева еще не пришла?

Анна Николаева — чудесная детская писательница. Ее книги светлые, запоминающиеся, трогательные, они о дружбе, верности, любви и правде. Работать с ней — большая честь, и я каждый раз ощущаю смятение, когда думаю о том, что муж купил мне эту возможность, просто потому что мог. В руках прекрасный шанс, который нельзя упустить. Но нашее при этом болтается чувство вины, что я заняла чье-то место. Увесистое такое. Стараюсь не быть мямлей, но, если начистоту, роль стервы тоже не совсем моя.

Сейчас мы с Анной трудимся над оформлением детективной серии для подростков.

— Она перенесла на четыре. Ты не видела? Я отправляла сообщение, — заявляет Марина, попробовав напиток.

— Нет... Фух! Я так летела, боялась опоздать, что ничего не слышала. — Плюхаюсь в кресло и восстанавливаю дыхание.

— С кем обедала? С Марком? — спрашивает Людмила,

уперев подбородок в ладони.

Она обожает нашу пару, обожает слушать истории из жизни. Как познакомились, как поженились. Для Людмилы мои отношения с мужем — это подтверждение того, что красивые сказки существуют. В ее мире я, правда, почему-то непременно из небогатой семьи. Она частенько забывает, что у моего отца свой молокозавод, и любит подчеркивать, что для настоящей любви не важна разница ни в возрасте, ни в материальном положении.

Я с ней не спорю, Марк и впрямь мужчина щедрый. О таком можно только мечтать.

— Не совсем. У Марка новая должность, он занят с утра до ночи. Мы видимся-то не каждый день. Пашет как вол.

— Бедный. Представляю, как это непросто, но жизнь в браке — это ведь не только плюшки, но еще и терпение. Много терпения.

— Верно.

На телефон падает уведомление о поступлении странной, не круглой суммы. Я вглядываюсь в цифры, не понимая, откуда они взялись. Почему именно столько? И от кого? Я беру заказы на иллюстрации, но в моем прайсе именно таких цен нет. Подозрительно.

Или оригинально. Есть у меня один знакомый фанат оригинальности, кстати. Мысленно делю на два, потом на три — и вуаля! Все сходится. Получилась сумма счета, который я оплатила. Демьян решил наказать, вернув ее в тройном объ-

еме.

Хочу перевести деньги ему обратно, но не выходит. Оказывается, к его номеру не прикреплен счет ни в одном банке. Девственно чистый номер телефона, таких даже у подростков сейчас нет. А других его контактов я не знаю.

«Сволоочь», — пишу Баженову.

«За что?!»

«Знаешь за что».

«?!»

«Ладно, сдаюсь. Спасибо. Куплю себе что-нибудь классное».

«Рад был увидаться, Крис. Больше не вредничай».

Улыбаюсь до ушей. Демьян неисправим, наверное. Но что поделаешь? Деньги — его пунктик. Пишу:

«Еще чего».

Он отправляет смеющийся смайл, я тоже смеюсь. В этот момент дверь в кабинет открывается. Я поднимаю глаза, ожидая увидеть Николаеву, но на пороге стоит... Марк. Собственной персоной.

— О, привет! — восклицаю я, растерявшись.

Его здесь в это время быть не может. Как же так? Соскакиваю на ноги и устремляюсь к мужу.

— Привет, — улыбается он. — Добрый день, девушки. Не против, если на пару часиков похищу свою? Не видел ее уже пару дней.

Марк обнимает за талию, я задерживаю дыхание.

— И это не моя вина, кстати! — Отвечаю на легкий, сдержанный, но приятный поцелуй. — Марк, я жду свою писательницу.

— Мы быстро. Есть новости у меня.

— Сколько сейчас? — Смотрю на часы. — У нас чуть меньше сорока минут в запасе.

— Отлично. Идем. — Он тянет меня из кабинета в коридор.

Так сильно торопится, что я едва поспеваю.

— Ты обедала? Лично я голодный как не знаю кто! Хочешь шампанского, Кристина?

— Я уже обедала, но посижу с тобой. Шампанское — нет, конечно. У меня же Николаева. Мы сегодня обсуждаем новую обложку.

Марк вздыхает, но молчит. Моя занятость немного не в тему, но больше он это не комментирует. Работает над собой, старается.

— С кем обедала? — бросает непринужденно.

Слова застревают в горле. Я хочу ответить честно. Хочу рассказать о Баженове, но почему-то эта простая правда требует от голосовых связок каких-то адовых усилий.

При этом внутри все сжимается. Сердце отбивает удары, пуская кровь по венам в новый круг, а я как будто физически не могу сказать мужу правду. Не могу, и всё, потому что испорчу момент. Марк веселый, а так мы — поссоримся.

— Кристина? — спрашивает он, когда заходим в лифт.

Смотрит в упор. — Что-то случилось? С кем ты обедала?
— С Людмилой.

Раздражение печет кожу, жалит глаза. Я солгала на пустом месте, сама не понимая зачем. Солгала, чтобы спасти нас от скандала, чтобы не испытывать чувство вины потом, чтобы не переживать игнор Марка. Чтобы все было хорошо.

Мы выходим из здания, доходим до парковки, Марк садится за руль. Все это время сердце колотится на разрыв, и это ощущение мне совсем не нравится. Плохо. Физически плохо от происходящего. Баженов просто пригласил на обед. Друзья детства просто поели.

Совершенно нечестно, что Демьян вдруг становится с моей же подачи запретным плодом — общение с ним, обеды, простой треп. Его особенность какая-то нечестная. Неправильная. У меня есть особенный мужчина, только один.

Я смотрю на Марка. Мой муж — прекрасный человек. Что я делаю? Мы играем в какую-то дурную игру, гоняясь друг за дружкой. Он ведь мог приехать раньше и не обнаружить меня, а Людмилу обнаружить. Моя ложь может вылезти в любой другой момент и сделать еще хуже.

Да и вообще, почему я лгу? Зачем? Следую пословице «меньше знает — крепче спит»? А если он будет делать так же? Что это, если не конец браку?

Я смотрю на густые, чуть выующиеся волосы мужа, на его красивый профиль, тонкие губы. Я прекрасно знаю, каким нежным и заботливым этот человек бывает. Так почему я

сейчас сжимаюсь от банального жгучего страха?

Марк никогда не поднимал на меня руку, но я боюсь. И эта роль мне не нравится.

— Слушай, я наврала, — говорю вслух по возможности беспечно. — Не знаю зачем. Я обедала с Баженовым и хотела бы тебе об этом рассказать.

Он застывает. Пульс молотит ускоренно. Марк жмет на газ и молчит, а я... просто не знаю, что еще добавить.

Глава 12

Реакция Марка меня взволновала. Даже сейчас, спустя сутки, когда собираюсь домой после работы, кручу-верчу ее в голове. Безостановочно.

Иногда, если случается что-то принципиально новое, не сразу понимаешь, как относиться. Все последние пять лет... как и всю свою жизнь, я стараюсь быть старше, мудрее, лучше. У меня внешность смазливая — голубые глаза, светлые волосы. Я борюсь с тем, чтобы меня не считали дурой.

Тем не менее сейчас приходится признать: я ощущаю себя именно такой. Если начистоту — я просто в панике.

Делаю вдох-выдох и, отменив вызов такси, иду по улице. Вечереет. Летнее столичное солнце уже не такое жестокое, как месяц назад, и в пять вечера греет почти ласково. Глаза приятно ноют. Весь день я просидела перед экраном, и теперь зрение перестраивается. Захожу в небольшой сквер и люблюсь на пышущие сочной зеленью клумбы.

Хочется кому-нибудь написать или позвонить, но так вышло, что ни одна из подруг не ждет моего внезапного сообщения. Я не писала годами. Они мне тоже не писали, но... я первая вышла замуж и переехала из города. Нельзя пропасть из жизни людей, а затем появиться, когда начались проблемы.

Знаю точно, что Баженов поднимет трубку, но ему расска-

зывать о муже я не буду точно, поэтому решительно отмечаю этот вариант.

В такие моменты, когда по какому-то вопросу мнение пока не сформировано, спрашиваешь, что думают другие, ищешь информацию. Разве нет? Как иначе понять, что хорошо, что плохо?

Я не могу позвонить маме. Она прекрасный человек, но любит меня слишком сильно и обязательно попытается помочь. Ввернет при следующей встрече с Марком какой-нибудь хитрый совет, как бы невзначай обронит, и муж сразу поймет, что я наябедничала. А мы с ним договорились, что не будем вмешивать родителей в свой брак.

И все-таки. Уже сутки прошли, а меня не отпускает. Я выбираю в телефоне тетю Таню и звоню ей.

— Кристина, привет, моя золотая девочка! Как твои дела? Что-то случилось? — Приветливый голос успокаивает и одновременно бодрит. Уникальное свойство.

Почему я ей так редко звоню? Тетя Таня — лучшая подруга моей мамы, она психолог с огромным стажем и просто замечательная женщина.

— Здравствуйте! Ничего не случилось... У вас не найдется минутки дать мне совет? Я сразу к главному, это невежливо, но...

— Дела в полном порядке, и я прекрасно знаю, что ты в курсе всего. Твоя мама транслирует мои новости всюду. Поэтому я не утруждаю себя использованием социальных се-

тей.

Мы обе смеемся. Маму очень любят, но да, она такой человек. Не умеет хранить секреты.

— Так что у тебя случилось? — спрашивает тетя Таня серьезнее.

— Да ничего не случилось. Новая работа, стресс... что-то навалилось разом. И я не вывожу. Вы не могли бы посоветовать терапевта?

Попасть к хорошему специалисту за сутки нереально, но тетя Таня на то и волшебница, что может все. Поэтому на следующий день в половине седьмого утра я уже жду в приемной. Вскоре приглашают в кабинет.

После краткого приветствия мне предлагают кофе, от которого не отказываюсь.

— Третья чашка за утро, — зачем-то поясняю, когда приносят американо. Хочу разрядить обстановку. — Я поэтому нервная, не обращайтесь внимания.

— Вам сложно проснуться рано? — спрашивает психолог участливо, когда мы остаемся наедине.

Приятная женщина лет на десять меня старше. Красивая, внимательная.

— Обычно нет, но сегодня я почти не спала. Все думала, стоит ли ехать так рано и платить столько денег, чтобы пожаловаться на мужа. В итоге я здесь, и сама не знаю, как себя чувствовать.

— Долго добирались?

— Нет. Утром без пробок, поэтому всего полтора часа. В другое время два часа туда, два обратно. Тяжело. Мы купили квартиру в центре, но я все не могу начать в ней оставаться. Вот и мотаюсь.

— Почему?

— У нас с Марком хороший дом, очень красивый. Мы с большой любовью его обустроили. Так старались, что теперь я каждый раз чувствую вину, когда уезжаю оттуда. Даже на работу, — шучу и сама смеюсь над собственной шуткой. — У Марка так же.

Психолог почему-то не смеется, лишь мягко улыбается.

— Что сподвигло вас прийти ко мне?

Сцепляю пальцы.

— Мои личные ощущения. Позавчера кое-что случилось... что не дает мне покоя.

— Расскажите.

— С чего бы начать...

— С главного. При необходимости я задам вопросы.

— Ладно. Сразу скажу, что у меня прекрасный муж. Он обо мне заботится, оберегает. Он достаточно сложный человек, но и я не идеальна. Мы обычные люди, с достоинствами и недостатками. И... — Впиваюсь ногтями в ладонь. — Мне нелегко об этом говорить. Я ни с кем такое не обсуждала. У нас с мужем нормальная сексуальная жизнь, я знаю его привычки. Но позавчера он повел себя не как обычно.

— Он сделал вам больно?

— Да. То есть нет. Не знаю. Мы собирались вместе перекусить, но я его расстроила. Он промолчал. Я ждала, что мы поругаемся, но вместо этого муж привез меня на многоуровневую парковку у одного бизнес-центра. Мы поднимались все выше и выше, этаж за этажом, пока не оказались на самом верху, где практически не было машин.

Рассказываю и ощущаю тот же самый страх, который испытывала и которому нет объяснения. Думалось, что Марк везет меня убивать. За обед с Демьяном.

Какая глупость! Я спрашивала об этом как бы в шутку, а Марк молчал. Просто молчал и давил на газ. Машина поднималась выше. Вокруг было почти темно. Мое сердце рвалось на части.

Я начала оправдываться. Молола всякую чушь, я даже ляпнула, что сама заплатила за обед и что для дружбы это нормально.

Марк так и не сказал ни слова, хотя я из кожи вон лезла, чтобы выбить из него хоть какую-то реакцию! Хоть что-нибудь!

А потом, когда меня уже потряхивало, он припарковал машину и рассмеялся:

— Ты что так смотришь? Перепугалась, глупышка? Иди ко мне. Я просто нашел это место и хотел тебе показать. Красивый вид, да?

Он притянул к себе, обнял, зацеловал и... взял.

— Моя. Моя. Ты моя девочка, только моя. Убью... любого.

Все случилось неожиданно, быстро. Я поначалу вообще обалдела от такой страсти: Марк крайне консервативен, а на парковке могли быть люди. Нас могли заметить, снять на камеру! Он предпочитал свой дом, вернее свою спальню, а тут его будто подменили. Я все еще была напугана, но решила поощрить, ведь знаю, как непросто Марку даются эксперименты. Мы прижались друг к другу, я вцепилась в его плечи, стиснула их от всех эмоций, что испытывала. И это... было здорово! Первый горячий секс за много-много месяцев, щедро приправленный адреналином. Чуть позже, вечером, я обнаружила на руках и бедрах синяки.

Марк шептал, что я его навсегда и что он никогда меня никому не отдаст. Что я его жизнь, что он пойдет на все ради меня. Что готов измениться. Слова, о которых я мечтала многие годы.

Когда мы отдыхали обнявшись, он заверил, что не против моего общения с Баженовым, раз уж для меня это важно. Но ему будет спокойнее, если я буду рассказывать обо всем, потому что Демьян пока на испытательном сроке.

Потом муж открыл мой телефон, посмотрел на траты.

— Ты правда заплатила за него? Он точно не педик?

— Он друг. Как я и говорила. Тысячу раз!

— Дай мне его контакт, Кристин. — И, предугадав мою реакцию, Марк добавил: — Нужно связаться по одному вопросу. Тебя не касающемуся, честное слово. Я уже понял, что вы друганы, хотя в мою систему ценностей и не уклады-

вается, как можно дружить с такой красоткой. Но, видимо, у него другие вкусы. Если же он хотя бы попробует тебя по-лапать...

— Я сразу расскажу тебе.

— Умничка. Давай номер. Мне нужна консультация по поводу защиты персональных данных. Больше ничего.

— Что случилось потом? — спрашивает психолог, очевидно поняв, что от меня продолжения не дожидаться. — Что-то испугало вас? Ваш муж вас испугал?

— Нет. — Вскидываю глаза. — Не испугал. Понимаете, в том-то и дело, все было хорошо, но я почему-то ощущаю тревогу. И я устала. Хочу, чтобы стало как раньше.

— Как вы думаете, что нужно сделать, чтобы стало как раньше?

Уволиться.

Ни за что.

— Не знаю. Сейчас сложный период: у Марка новая должность, у меня важный заказ. Еще и знакомого Марка арестовали в тот день, муж был явно на взводе. Понял, что в жизни может случиться всякое, пообещал, что будет ценить меня больше. Извинился за прошлые обиды. Хотел купить шампанское в середине дня... капец. Мы оба меняемся. И мне хочется с кем-то об этом поговорить. Наверное.

Время сессии подходит к концу, мы некоторое время обсуждаем, что я чувствую и что с этим делать.

— Вы не планировали завести детей? — спрашивает напоследок психолог.

— У Марка есть дети. Он... — пожимаю плечами, — не против, если я захочу. Но сразу предупредил, что дети полностью на меня лягут. Поначалу я была слишком молодой для этого, училась, а потом мы стали ссориться. Я думаю, сейчас не лучшее время.

— И что вы решили? Поедете на тот концерт с другом детства?

— Не знаю пока. Я бы хотела, и Марк вроде как не против, но...

Вспоминаю бесконечную поездку по парковке. Да, она закончилась хорошо, мы не то чтобы не поссорились — мы стали ближе. Марк просто шутил. Но эта дорога вверх по узкому коридору, это ожидание... Я бы не хотела однажды повторить ее.

Глава 13

Демьян

Равский увешан детьми с головы до ног. И все они покрыты мороженым.

— Так. Видишь группу людей разных возрастов? Нам надо к ним.

Шаг замедляю. Сам не ожидал столь колоритного зрелища. Крис тоже автоматически замедляется. Она только-только с «Сапсана» и хочет нырнуть под душ, а потом в кофе, — или наоборот, неважно, — но так уж вышло, что у меня срочные дела в этом парке именно в это время. Работа.

Один из детей Алекса вопит на всю аллею.

— Ты уверен? — скептически прищуривается Кристина. — Вон там компашка пьет винчик из бутылок, обмотанных черным пакетом. Нам точно не к ним?

Вот! Другое дело — шутит, улыбается. А то час в машине провели молча, в каком-то дурацком напряжении. Ладно я на взводе из-за звонка Равского, но она-то отдыхать приехала.

Усмехаюсь и хочу притянуть Кристину к себе, как часто это делал раньше, но она снова выкручивается. Не хочет больше со мной обниматься, даже на вокзале проигнорировала попытки сцапать. Отклонилась, вручила сумку. Обидел чем-то? Или в муже дело? Слегка прищуриваюсь, разглядываю.

вая ее.

Изменилась Крис за последние десять лет. Отрицать можно сколько угодно, но передо мной больше не угловатый подросток, а красивая девушка, с аристократичной бледностью и почему-то грустными глазами. Еще я теперь понимаю отчетливо, что между нами образовалась пропасть. Мы и друзья, и одновременно — чужие люди. То, о чем Кристина говорила на обеде в Москве. Тогда голова шла кругом от количества адреналина в венах, хотелось разделить кураж. Это была ошибка.

Не следовало обещать ей хакерскую защиту. Не следовало даже упоминать об этом. И не стоило потом взламывать ее мужа. Никогда не совершайте поступков ни в депрессии, ни на волне эйфории.

Ничего нового я не узнал, все было написано у него на физиономии крупными буквами.

Марк Росс — абсолютно стандартный представитель своего вида. Вообще не понимаю, почему Кристина им заинтересовалась. Всю жизнь карабкается по карьерной лестнице, бухает с кем надо, закрывает глаза, когда необходимо. Без особого криминала, но и гордиться нечем. Ничего не производит, никаких проблем не решает. Порно смотрит исключительно live, даже скучновато. Имеет периодически двух любовниц, одна постоянная, живет в Ростове, вторая — новенькая, студентка МГУ, — в Москве. Денег на них тратит мало, потому что доходы в последнее время значительно просели.

Нафига это только надо Кристине? У нее с ним... типа любовь?

И главный вопрос: стоит ли ей о таком рассказывать? Она ведь не спрашивает. Если скажу, выйдет, что спустя десять лет я появился в ее жизни, чтобы эту самую жизнь — разрушить. Не хочу нести печаль, ей — точно.

Возможно, Кристина действительно с Россом счастлива. И этот мужик — то, что ей нужно. На мой взгляд, он ее не достоин, но за двадцать девять лет жизни я понял, что бывают экземпляры намного, намного, блядь, хуже. Следует как-то справиться с раздражением, которое вспыхивает каждый раз, когда я об этом думаю.

— Мы ненадолго, хорошо? Потом я тебя отвезу куда скажешь, — выдаю ей отрывисто.

Оглядываю с головы до ног — ну что за прелесть эта девочка. В легком белом платье, улыбчивая, славная. Сжимаю ладони. Ее мне боженька послал, иначе быть не может. Сам я как обычно в черном.

— Чего это ты так улыбаешься? — щурится Крис. — Вообще, кто эти люди? И что мне делать?

Она хватается за мое плечо, но тут же осекается, делает пару шагов назад.

— Это Алекс Равский, гендир «СоларЭнерджи», и его замечательное семейство. Мне нужно с ним переговорить, а ты с его женой познакомишься, голуба моя. Почему ты? Потому что выглядишь максимально благонадежно, а такие лю-

ди, как Равские, обращают на это внимание. Плюс мы посмотримся, и это тоже хороший знак. Ты мне должна за концерт, окей?

Делаю последнюю затяжку и выбрасываю окурок в урну. Равский мне не доверяет на сто процентов, хотя мы уже год работаем вместе. Но это и понятно, мои таланты могут вывести его в сильный плюс, а могут — уронить в критический минус.

— Во-первых, концерта еще не было, а ты уже плату берешь. Во-вторых, Демьян, я замужем! Гулять с замужней женщиной — это максимально неблагонадежно из всего, чтобы ты мог бы выкинуть! — стебется Крис.

— Мы ведь друзья. Других кандидаток сейчас все равно нет, — улыбаюсь, когда Алекс нас замечает.

— А Яна?

— Мы расстались. Идем же.

— Что? — Кристина запинается, едва поспевая. — Почему? Я же ехала, чтобы пойти на концерт с вами втроем! Я... все ее фотографии пролайкала позавчера!

— Привет! — восклицаю я, протягивая ладонь.

— Сорян, брат. Ива! Ива, где салфетки? Я весь... липну, а у меня тут важный человек. Щас, короче. — Равский подходит к коляске.

— Где обычно! — кричит Ива, стоящая в очереди за мороженым. — В большом кармане, Рафа! Демьян, привет!

— Привет! — машу.

— Нашел!

Алекс вытирает руки и неловко смеется. Наконец, здороваемся. Я представляю Кристину, свою подругу детства, ей — Алекса, главного клиента моей фирмы.

— Мы решили приехать всем составом. Чудесная погода, и Ива хочет погулять по Питеру. Завтра утром я буду у тебя в офисе. Один, — успокаивает Равский. — Во сколько не скажу. Как проснусь.

Один из его детенышей прекратил рыдать и теперь горестно всхлипывает каждые две секунды. Плачущие дети — мой триггер.

— Эй, привет. — я Присаживаюсь на корточки и смотрю на модно подстриженного пацана. — Что случилось? Тебе не купили мороженое? Равский, вы почему обделяете старшего? Остальные вон рубят, за ушами трещит.

— Твой тезка, кстати, — улыбается Алекс. — Уронил он, мама сейчас купит другое. Да, Дём? У него особенная любовь к мороженому, каждую такую потерю безутешно оплакиваем. Демьян, поздоровайся. Ну.

Пацаны Равского по очереди протягивают руки, к приветствиям присоединяется мелкая девчонка, явно японского происхождения.

— Здравствуйте, — говорит она на английском. Называет свое имя.

— По-русски, пожалуйста, юная леди, — просит Алекс мягко.

— Всё в порядке, — отвечаю на английском. Осыпаю ее комплиментами.

— Она только два месяца в России, учит.

Девочка медленно повторяет по-русски, я целую тыльную сторону ладони мини-мисс и поднимаюсь на ноги.

— Тоже твоя? Не знал.

— Не-не! Ты что! Меня жена за такое зароет живьем. Это потомство Бориса. Они с утра по магазинам, оставили вот.

Ива спешит к нам, чмокает старшего в лоб, вручает ему эскимо. После чего мы все еще раз здороваемся, знакомимся и переходим к делу. Под предлогом купить билеты на карусель, отходим с Алексом в сторону.

Он тут же вручает флешку и меняет тон на максимально серьезный. С таким чуваком я и познакомился — фанатичным, быстрым. В роли отца его видеть... странно.

— Здесь ключ к ФТП, куда я кинул логи. Блядь, Демьян, пока никому ни слова только. Я тебе свою жизнь сейчас вручаю.

— Лично посмотрю, как и обещал.

— Нас постоянно пытаются взломать, это обычная, мать ее, практика. Сам знаешь: уронить «СоларЭнерджи» — значит, получить пропуск во многие хакерские банды. Мне такое даже льстит, ну и интересно, кто сможет. — Алекс делает паузу, словно на миг подозревая и меня тоже.

Вот. Это то, о чем я и говорил: он мне доверяет, но процента на семьдесят три.

Год назад я нашел уязвимости в защите «СоларЭнерджи», приехал и показал. Равский работает под крылом нашего космоса, а там подобное могут и за измену принять. Алекс же выебал своих безопасников, и мы покрутили, что можно улучшить.

— Но таких логов я не видел, — произносит он чуть тише, будто нас подслушивают. — Сегодня утром целых десять минут мне казалось, что мы потеряли главный сервак. Пиздец, я посидел за это время.

— А ФСБ? Вас охраняют, как Центробанк.

— Отрицают существование «Черных звезд». Как обычно, хоть об стену убейся, у них своя вера.

Холодок пробегает вдоль позвоночника. «Черные звезды» — больные на всю башку китайские хакеры. Этим тварям надо официально войну объявлять, а не уходить в отрицание. Им плевать, кого ломать и на кого работать. У «Черных звезд» нет принципов, нет совести. Их поступки невозможно спрогнозировать. Если они выбрали цель — сдохнут, но своего добьются.

— Алекс, при следующей атаке сразу мне звони. В любое время дня и ночи.

— В следующий раз? — Он достает сигарету. — Баженов, мне на хер не надо, чтобы был следующий раз. Мне надо, чтобы они не смогли зайти. Вообще никак.

Подбираю слова. Тщательно. Обстановка неформальная, но это ни на что не влияет. Прямо сейчас происходит самая

важная работа. Намного важнее того, о чем мы будем завтра трещать на планерке.

— Мне надо подумать, как так вышло, что они уже про-рывались на сервер, — наконец отвечаю уклончиво.

— Скажи вслух. Я это хочу услышать от тебя.

Развожу руками.

— Если понадобится, чтобы мне вылизали зад, я знаю, к кому обратиться, — цедит Равский сквозь зубы. На нервах. Зло.

Уровень его агрессии становится опасным.

Тоже не люблю ложь и подхалимство, поэтому отчасти понимаю реакцию. Тем не менее Равский теряет берега, и я напоминаю, что работаю не в подчинении. Мы на равных. Выдерживаю взгляд и отвечаю:

— Я, блядь, посмотрю логи. До этого момента ты от меня ничего не добьешься. Что ты хочешь услышать прямо сейчас? Что кто-то из твоих парней заразил сеть изнутри? Ты и сам это понимаешь. У тебя завелся предатель.

— Не могу вычислить кто. И это, сука, бесит. Ты понимаешь, кто-то из моих ребят принес гребаного китайского червя ко мне «домой».

— Я уже работал против «Черных звезд». Если это они, я узнаю.

— Хорошо.

Мы киваем друг другу, после чего покупаем билеты и возвращаемся к девушкам и детям. Некоторое время гуляем

вместе.

Несмотря на значительно потяжелевшую от роящихся мыслей голову, от меня не укрылось, как Алекс быстро переглянулся с женой. Ива сто процентов знает про утреннюю атаку, хотя делает вид, что всё превосходно. Удивительное самообладание. Кто она там? Бывшая спортсменка?

Кристина напряг тоже чувствует и намеренно снижает градус веселой болтовней о том, как мы с ней вместе росли. Несет на руках мелкого Равского и лучезарно улыбается.

Мальчик обнимает ее за шею и внимательно слушает. И я вдруг понимаю, чего мне не хватает. Обнять ее. Сейчас.

Мы больше не дети, Крис к тому же... ну, в общем, замужем. В этом причина? Ей неловко рядом со мной? Почему?

Она мой близкий человек. Один из самых-самых.

Если начистоту, я едва удерживаюсь, чтобы не притянуть ее к себе силой.

— Кристин, если тебе тяжело, усаживай его в коляску. Этот парень явно к тебе неровно дышит, — смеется Ива.

— Всё в порядке, я люблю детей. Демьян, кстати, тоже любит. Не смотрите, что он весь в своих мыслях. При желании он к любому найдет подход.

К любому взрослому.

Потому что их можно взломать.

Ведь анонимности не существует. Логины, сложные пароли, приватность — в действительности все это лишь иллюзия, созданная для нашего спокойствия. Идея-то была хоро-

шей, но, как обычно, реализация подкачала. Теперь о друзьях, любимых и незнакомцах можно узнать абсолютно все. К сожалению.

Их привычки. Интересы. Тайны.

В десять лет я впервые взломал своего отца. Между прочим, совершенно без задней мысли. Приближался мой день рождения, я знал, что папа готовит нечто особенное, и хотел узнать, что именно. Он был в командировке, я ужасно скучал и изнывал от любопытства. Отец был моим самым лучшим другом.

Взломать его почту было легко, для пароля он использовал сумму из дат рождения моих и мамы. Там я увидел чек из гостиницы, которая находится в десяти километрах. Обрадовался страшно! Обманул няню и сбежал из дома. Добрался на метро. Делал так уже пару раз, поэтому все прошло гладко.

Я зашел в гостиницу, поднялся на нужный этаж, постучал в дверь. Открыла полуголая незнакомая тетя, за ее спиной громко говорил по телефону отец.

Увидев мизансцену, я сразу сообразил, что это не подготовка к моему дэрэ, и ломанулся бежать. Бежал долго, изо всех сил. Горели легкие, сердце колотилось в горле. Отец догнал через квартал, затащил за угол и врезал так, что я отлетел и разбил голову об стену. Следующие четыре года он со мной не разговаривал. Вообще. Никак.

Это был важный урок. В тот день я понял, что чужие тай-

ны способны разрушить мою жизнь. Иногда их стоит беречь получше своих собственных.

Секреты — это рычаги власти, но, завладевая ими, ты платишь колоссальную дань.

Долгое время казалось, что хороших людей попросту не существует, а потом, повзрослев, я осознал, что нет идеальных. Но куча — достаточно неплохих.

Вот, например, Марк Росс. Не убийца, не насильник, девки у него всегда хоть и юные, но совершеннолетние. Он сделал Кристину счастливой. Он достаточно хороший человек?

На мой взгляд — нет. Потому что Кристина — единственная, кого я считаю идеальной.

В последний раз я взламывал Крис, когда ей было четырнадцать. В чате ее друзей меня попытались выставить в дурном свете, она попросила прекратить. Ей предложили выбрать сторону. После чего Кристина вышла из чата. Навсегда.

Потому что, как бы там ни было, мы все делимся на овец и волков. Овцы молча наблюдают за тем, как жрут особей из их стада, радуясь, что печальная участь их самих... пока миновала. Волки же за сородичей порвут. Кристина — моего рода и племени. Без альтернативных вариантов.

— Я отвезу тебя в гостиницу и домой поеду, нужно кое-что проверить, — говорю ей, когда подходим к машине.

— Для Алекса? — хмурится она.

Не ошибся. Крис поняла: кое-что происходит.

— Ну да. Ты не обидишься? Он позвонил пару часов назад, уже из аэропорта. Но к вечеру я освобожусь.

— Давай встретимся в баре за час до концерта. Расскажешь, что случилось у вас с Яной.

Морщусь.

— Нет.

— Да. Пожалуйста. Умоляю.

Она приподнимается на цыпочки, а я смотрю в ее глаза. Долго. Просто не могу оторваться.

Кристина улыбается, достает телефон и проверяет сообщения. Я пожимаю плечами и выдаю какое-то банальное:

— Видно будет.

Глава 14

Кристина

— Волосы — ужас! Это ж надо было так скакать! — Я стараюсь хоть как-то пригладить прическу.

— Ты охуеть красавица, — летит в спину и ударяет так внезапно, что оборачиваюсь.

Баженов идет позади как ни в чем ни бывало.

— Даже так? Спасибо за комплимент. Ты тоже симпатичный.

Смеется.

— О. А давай я тебя сфотографирую.

Он останавливается резко, включает камеру на своем телефоне, но я протестую.

— Не надо! Зачем?.. Хотя давай, ладно. Только на мой.

— Как скажете, миссис.

Он берет мой мобильник, а я подхожу к мосту, позирую. Демьян хитро прищуривается, я улыбаюсь, а потом сгибаюсь пополам и хохочу! Стараюсь выпрямиться, хватаюсь за перила. Он тоже хохочет.

Фотографирует. Снова. И снова. И снова. Боже!

Мысль, что, возможно, не стоило добровольно вручать главному хакеру страны свой телефон, проносится где-то на задворках сознания, но я тут же ее отмечаю. Можно подумать, при желании Баженов не найдет способ подобрать па-

роль! Он у меня простой: кличка собаки и дата ее рождения. С Демьяном лучше просто расслабиться и наслаждаться происходящим. Особенно когда он делает настолько крутые фотки.

Подбегаю, смотрю одну за другой.

— Если тебя выгонят с работы, сможешь закончить курсы фотографии. Я на всех стройная. Класс!

— Ты не стройная, а откровенно худая. Какая в жизни, такая и на фотках.

— Стройная. Слово «худая» мне не нравится, — поправляю его.

Мы идем дальше, просто так, без плана. По красивой улице в одном из самых красивых городов мира.

— Почему?

— Оно от слова «худо». То есть плохо. Я не плохая.

— Хм. Этот смысл я не вкладывал.

— Знаю. Я просто цепляюсь к словам. Настроение — поболтать! Я ужа-а-сно давно ни с кем не болтала просто так, без какого-то смысла. Мне весело! — Пританцовываю и разок кружусь на месте. — И концерт был ну таким потрясающим! Тот момент, когда пел зал, а потом Миша вступил со своей партией... Эй, ты не понял, о чем я?

— А еще два бокала шампанского... — подкалывает Демьян.

— Не без этого, Баженов. Не без этого. А ты трезвый, скучный. Весь в делах. Никогда тебе этого не прощу! — про-

должаю трещать без устали.

Он беззлобно посмеивается, это располагает.

День получился каким-то и правда бесконечным, плотно насыщенным эмоциями, которые наслоились друг на друга, как праздничный пирог, который я с радостью умяла, до-
рвавшись.

После знакомства с Равскими я переоделась в гостинице и отправилась гулять по городу. Одна. Впервые за пять лет я гуляла целый день без цели.

Прошлась по Невскому, пообедала в кафе с видом на Кафедральный собор. Я... несмотря на то что Марк часто в командировках и много работает, редко чувствую себя свободной. За всеми хлопотами по дому, учебой и работой не помню, когда это было в последний раз. Все время кажется, что не успеваю, что занимаюсь чем-то не тем. Если и позволяю себе отдых, то непременно мучаюсь виной.

А тут... я просто провела день в удовольствие. Сбежала.

Баженов обманул: он не смог освободиться к назначенному времени. Вернее, физически приехал, но продолжал висеть в телефоне и грозно хмуриться своим мыслям. Неудивительно, что те испуганно разбегались, не давая ему закончить начатое.

Но это ничего, молчаливая охрана на шумном мероприятии — как раз то, в чем я нуждалась. Демьян свою роль исполнил на пять с плюсом: оберегал от скачущей толпы, ходил в бар за шампанским.

Сам концерт прошел изумительно. Все началось с того, что группа не опоздала, начала минута в минуту. Настоящие мужики, как бы Марк их ни оскорблял.

Полтора часа громкой музыки, драйва, знакомых песен. Я позволяла себе орать в толпе, не переживая, что муж узнает и покрутит у виска. Для него вся моя музыка — примитивная. И нет, я очень уважаю и искренне люблю ту музыку, которую слушает он, но иногда душа желает чего-то кроме классического рока.

Солист едва вышел на сцену — сразил энергетикой. Это врожденный талант. Я жадно впитывала свободу, эмоции других людей. Психолог посоветовала сделать что-то из своего прошлого, то, что любила до Марка и без Марка. Прожить эти ощущения. Подумать о том, что чувствую.

Рискованное дело, не так ли?

Я, если честно, совсем запуталась, что чувствую и чего хочу.

— Спасибо, что сходил со мной, — благодарю Демьяна, который заканчивает очередной разговор.

— Извини, пожалуйста, дурацкий в плане работы день. Я не могу рассказать подробнее.

— Ничего страшного, я сама очень устала.

Лгу, но так правильно. На улице хоть и светло, на самом деле полночь близится. Давно пора домой.

— Вызову такси. Мне очень понравился день. Правда. Не жалею, что поехала.

— Завтра какие планы? Пообедаем вместе?

— У меня самолет рано.

— Позавтракаем?

— Марк встречает в аэропорту, мы договорились поесть вдвоем. Да и не успеем, вылет в семь.

— Понял. У нас, получается, осталось несколько часов,
— говорит Демьян, что-то прикидывая.

— Несколько часов для чего? — хмурюсь.

— Я действительно на сегодня свободен. — Демьян демонстративно выключает телефон и убирает его в карман.

Это простое, казалось бы, действие почему-то шокирует. Я застываю и пялюсь на Баженова снизу вверх. На этого взрослого занятого мужика, который мне, по сути, никто. Друг. Просто друг из прошлого, с которым так комфортно. Едва держусь, чтобы не кинуться на шею и не обнять.

Крепко-крепко. Изо всех сил. То, чего хочется в глубине души весь день и что я никогда себе не позволю.

Молчу.

Мы так не делаем — не выключаем телефоны никогда, ни при каких обстоятельствах. Готовы и должны быть на связи с миром двадцать четыре не семь.

Демьян хочет побыть со мной еще. Это не дань вежливости, не выполнение просьбы. Это его желание, которое совпадает с моим, потому что совсем не хочется домой. Хочется продолжать гулять по Питеру.

Наверное, Баженов застал меня врасплох, а может, дело

в шампанском, поэтому соглашаюсь. И выключаю свой телефон тоже.

Мы с Демьяном без сотовой связи, поэтому не можем вызвать такси и добираемся до нужного бара пешком. Заваливаемся туда, уставшие, голодные, и сразу идем к барной стойке. Я прошу еще один бокал игристого, а Демьян заказывает себе серию шотов и два самых больших бургера.

Он пьет подряд четыре, пьянеет через десять минут. И мы смеемся. Много, громко, без какого-то повода! Просто потому, что весело.

Спустя еще три часа, а также два бара, где что-нибудь едим или пьем, мы оказываемся в совершенно незнакомом мне месте. В каком-то старом дворе, возле чужого дома. Демьян, в отличие от меня, растерянным не выглядит, запросто приглашает в темный подъезд.

Эм. Что?

Вроде бы я доверяю ему... но и чувствую внутренний холодок: мало ли что в голове у этого человека. Вот так умереть будет достаточно позорно, окружение Марка засмеет.

— Ты куда меня ведешь? — шепчу.

— Тише, увидишь.

— Демьян, мне страшно... реально страшно.

— Не кричи, все спят, — шикает он. — Доверься.

В пакете весело гремят бутылки, которые он купил в баре. Мы заходим в подъезд, вызываем крошечный лифт и едем вверх. Долго едем. Время тянется, тревога царапает кожу.

Когда Демьян распахивает дверь на чердак и предлагает шагнуть в полную темноту, я категорически отказываюсь. Это уже ненормально. Это жутко.

— Вдруг там кто-то есть?

— Все может быть. — Демьян подталкивает. Включает фонарик на брелке и шагает первым.

В черную-пречерную темноту, навстречу неизвестности.

Пuls стучит. Я едва поспеваю, стараясь смотреть под ноги. Остро хочется включить мобильник и хотя бы приблизительно определить, где мы находимся.

Демьян доводит меня до лестницы, забирается по ней и открывает люк. А потом ступает на крышу.

— Ты, блин, серьезно? — шиплю я.

— Абсолютно. — Он протягивает руку.

— Давай вернемся вниз и вызовем такси? Мне не по себе. Честно.

Мы смотрим друг на друга. Демьян цокает языком.

— Я уже трезвый, все будет хорошо.

— Я тебе не верю! Ты говорил, что покажешь интересное место, но не предупреждал, что придется лезть на крышу! — отчитываю его.

— Когда ты успела стать такой трусихой? Мы раньше лазили по горам, Кристин, — выдает он. — Ты же хотела встретить рассвет. Я выполняю желание. Лучшего места не найдешь, но, если хочешь, пошли по домам.

В его голосе проскальзывает досада, которая невольно передается и мне. Я и правда никогда не была такой уж трусихой. Прислушиваюсь к себе и понимаю, что боюсь не Демьяна, не крыши, а Марка. Его реакции, когда он узнает, куда я поперлась.

Это понимание выбивает из колеи. Я, наверное, слишком пьяная, иначе объяснить не могу, почему поднимаюсь по лестнице и выхожу на крышу.

— Вау! — восклицаю, оглядываясь. — Как здесь красиво, Дём!

— Еще рано. Я скажу, когда пиццать.

Его рука горячая и твердая. Я весь день старательно избегала касаний, потому что это казалось совершенно лишним и неправильным. Я замужняя женщина.

Следующие десять минут мы не отпускаем друг друга ни на секунду. Реально опасных участков нет, но сам факт, что мы карабкаемся по крыше чьего-то дома и можем свалиться, — будоражит. Я держусь за Баженова крепко, просто изо всех сил. Он ни на мгновение не оставляет без поддержки, шутливых комплиментов. Подсаживает, помогает слезть, дает советы, разряжая обстановку.

Когда добираемся до нужного места, пульс грохочет, адреналин шпарит, а внутри такой подъем, что словами не описать. Напитанный кислородом организм будто перерождается. Я живу каждой клеткой, живу по-настоящему.

— Помнишь, как мы забрались на ту гору... как ее? Потом

не могли велосипеды спустить, — говорю тихо.

— Конечно. Твой отец нас чуть не прибил, увидев фотографии у тебя в телефоне. Кстати, давай я тебя щелкну? — Демьян тянет руку за моим смартфоном.

Понял всё. Что не позволю ему иметь в галерее мои фото, что для меня это слишком.

Качаю головой — не нужно фотографий. Марк не должен узнать об этом. Меня домой не пустят.

Демьян снимает куртку, расстилает ее прямо на железных листах. Мы усаживаемся рядом и смотрим на город.

Слов нет. Да они и не нужны, без них ясно. Невероятно красиво. Я стараюсь смаргивать слезы, чтобы не показаться жалкой. Я так давно не делала ничего действительно волнующего, что сейчас захлебываюсь. Буквально тону в своем восторге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.